

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

**№6 (156)
2021**

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»
Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775
E-mail: info@law-journal.ru
Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 70180

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 30.06.2021

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 8.72

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Хансевяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Калашникова Е.Б. Налоговые меры в период пандемии	7
Ланг П.П. Право на судебную защиту как конституционная ценность	11
Лошкарёв А.В., Кашина А.В. Организационно-правовые основы деятельности адвоката по защите прав доверителя в налоговых спорах	16
Лошкарёв А.В., Кутовой Я.С. Особенности правового регулирования криптовалюты в России и зарубежных странах	19
Лошкарёв А.В., Мараховский И.В. Анализ применения медиации как способа разрешения уголовно-правовых конфликтов в зарубежных странах	25
Ревина С.Н., Кузьмина И.Ю. Влияние правовой культуры и правосознания на правотворческий процесс в Российской Федерации	30
Скачкова О.В., Карапетян А.А. Актуальные вопросы практики рассмотрения арбитражными судами споров из договора строительного подряда	33
Хавжокова З.Б., Зумакулова З.А., Карамурзова И.Б., Кокова Д.А., Бейтуганова З.Х. Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения представителем сферы медицинских услуг своих профессиональных обязанностей: проблемы правового регулирования	38
Щукина Т.В. Административно-правовое регулирование инноваций и процедура оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов в экономической деятельности государства	42

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Кукушкин Д.С. Проблемы применения института неосновательного обогащения при взыскании налогов	51
Мамедов Н.Д.О. Реализация мер налогового стимулирования деятельности субъектов малого предпринимательства, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность в Российской Федерации	56
Ялунина Е.Н., Мансуров Г.З. Экономика и гражданское право: проблемы соотношения в сфере услуг	60

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ)	65
--	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

НАЛОГОВЫЕ МЕРЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

© 2021 Калашникова Елена Борисовна

доцент кафедры теории права и философии

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: kalashnikova-helen@yandex.ru

В статье изучается отечественный и зарубежный опыт в отношении налоговых мер, применяемых в период пандемии. Автор рассматривает основные виды мер и правила их установления, делает вывод о проблематичности определения субъектов налоговых мер. Указывается наличие определенной дискриминации при отнесении субъектов предпринимательства к экономической сфере для определения мер поддержки бизнеса. Предлагается разделение на три категории субъектов предпринимательства, на которых должны распространяться налоговые меры, а также делается вывод о необходимости учета размера снижения дохода предпринимателей. Снижение доходов должно являться определяющим фактором для применения налоговых мер к субъектам предпринимательства, деятельность которых прямо не запрещена или ограничена, но фактически невозможна.

Ключевые слова: пандемия, меры поддержки бизнеса, налоговые меры, освобождение от уплаты налогов

Пандемия ввела свои коррективы во все без исключения сферы жизни. Какие-то претерпели небывалый подъем, например, сфера IT, а работа других была полностью парализована вводимыми временными ограничениями [1]. Понимая критичность ситуации для множества предпринимателей и выживаемости бизнеса, практически все государства разработали ряд налоговых мер, направленных на уменьшение налогового бремени. Такие меры существенно различаются, исходя из множества факторов. Однако, проблемы в применении таких мер показали, что существует достаточное количество нерешенных вопросов, в частности, как обеспечить недопущение дискриминации предпринимателей и защитить каждый бизнес на максимальном уровне.

В Российской Федерации был принят специальный нормативно правовой акт [2], который предусматривал освобождение от уплаты 13 налогов и авансовых платежей по налогам и сборам предпринимателей в особенно пострадавших от коронавирусной инфекции отраслях экономики при соблюдении определенных условий. Во-первых, наличие статуса индивидуального предпринимателя или субъекта малого, или среднего предпринимательства для юридических лиц, либо отнесение к социально ориентированному некоммерческому организациям, перечню некоммерческих или религиозных организаций в соответствии с положениями Нало-

гового кодекса РФ [3]. Во-вторых, это отнесение к наиболее пострадавшим отраслям экономики, перечень которых был определен Правительством РФ [4], например, транспортные услуги, сфера развлечений и т.д. Период, за который предоставлялось освобождение от уплаты налогов, был достаточно короткий — второй квартал 2020 года, то есть апрель, май и июнь 2020 г., пока в государстве действовал так называемый «локдаун». Не попавшие в «коронавирусный» список предприниматели, довольствовались отсрочкой уплаты налогов и отсутствием проверок со стороны контролирующих органов.

Второй пакет налоговых мер включал в себя НДС — это освобождение от уплаты НДС товаров медицинского назначения, применяемых для борьбы с коронавирусной инфекцией, а также право принимать НДС к вычету без обязанности его восстановления для организаций, получающих специальные субсидии для пострадавших отраслей.

В отличие от РФ локдаун до сих пор продолжается во многих странах мира, что означает и необходимость продолжения проведения мер поддержки бизнеса.

В Европейском Союзе налоговое законодательство разрабатывается и применяется государствами-членами самостоятельно, между тем, Комиссия ЕС имеет право устанавливать отдельные правила. Например, в апреле 2020 года решением Комиссии ЕС № 2020/491 были осво-

бождены от уплаты таможенных платежей и НДС товары медицинского назначения, ввозимые на территорию союза и необходимые для борьбы с коронавирусной инфекцией [5]. Решение комиссии неоднократно продлевалось, поскольку в условиях локдауна и высокого количества заболевших, собственных ресурсов для производства необходимых товаров и лекарств не хватает.

На уровне государств-членов ЕС существует сразу несколько механизмов помощи бизнесу в отношении НДС:

- продление срока уплаты НДС (например, Греция, Норвегия, Дания);
- снижение штрафов за просрочку уплаты НДС (Бельгия);
- снижение ставки НДС для отдельных сфер экономической деятельности, в основном в туризме и ресторанном бизнесе (например, Ирландия, Германия);
- списание задолженности по НДС (Швеция);
- освобождение от уплаты НДС (например, Германия, Румыния) [6].

Как и в случае с РФ, часть европейских мер, например, отсрочка по уплате налогов, предоставлялась широкому кругу предпринимателей, а другая часть являлась адресной и зависела от сферы деятельности.

В качестве других налоговых мер на территории Европы чаще всего применяется освобождение от налогов при выплатах работникам, если в компания является получателем субсидий.

В США Американский план спасения 2021 года содержит ряд налоговых мер помощи как организациям так и физическим лицам [7]. В частности, пособие по безработице не облагается подоходным налогом, а доходы физических лиц за 2020 года освобождаются от подоходного налога на первые 10 200 долларов США дохода. Ряд мер касается налоговых льгот для таких категорий лиц, как семьи без детей и семей с детьми. В отношении малого бизнеса налоговая помощь также заключалась в уменьшении налога на выплаты работникам, а освобождение от других видов налогов не предусматривалось [8].

Поскольку сфера НДС в США является прерогативой штатов, то отсутствовал единый подход в мерах для бизнеса. Некоторые штаты допускали только отсрочку в уплате НДС, другие освобождали от уплаты пени. Снижения налоговой ставки или освобождения от уплаты НДС не предусматривалось. В отличие от большин-

ства стран мира правительство США не вводило каких-либо изменений в отношении уплаты налогов и таможенных платежей по ввозимым товарам, необходимым для борьбы с коронавирусом.

Изучение отечественного и зарубежного законодательства в части разработки и принятия налоговых мер для помощи бизнеса указывает на проблему дискриминации предпринимателей. Чаще всего налоговые меры вводятся для сферы развлечений, ресторанного бизнеса, перевозчиков, туристической сферы т.д. На них ситуация с коронавирусом повлияла прямым образом — работа оказалась невозможно. Однако, существуют огромное количество предпринимателей, деятельность которых прямо не связана с отраслями экономики в локдауне, но фактически они также не могут работать. В качестве примера приведем оказание юридических или клининговых услуг. Предположим, что юридическая или клининговая компания оказывали услуги коммерческим организациям в области туризма. С ограничением работы в сфере туризма они автоматически потеряли клиентов в связи с отсутствием деятельности. Отели закрыты и нет необходимости ни в ежедневной уборке помещений, ни в услугах юристов. При этом собственники отеля имеют право на получение различных субсидий и видов помощи, включая налоговые меры, а вот юридические и клининговые компании — нет.

Обратимся к ст. 3 Налогового кодекса РФ [9], которая предусматривает, что не допускается устанавливать дифференцированные ставки налогов и сборов, налоговые льготы в зависимости от формы собственности, гражданства физических лиц или места происхождения капитала. Встает вопрос о возможности дифференциации налогов по другим признакам, например, отраслям экономики как в случае с пандемией, которая приведет к определенной дискриминации. Конституционный суд РФ неоднократно высказывал позицию, согласно которой освобождение от уплаты налогов представляет собой льготу, носящую адресный характер и не являющуюся обязательной составляющей налога [10], что по мнению суда не носит дискриминационный характер. Но с таким подходом вряд ли согласятся рядовые бизнесмены.

По нашему мнению, критерий отнесения субъекта предпринимательства к той или иной экономической отрасли не должен быть един-

ственным для определения необходимости установления для него мер помощи. Например, работа ресторана «на вынос» может принести ему ничуть не худший доход по сравнению с периодом, когда он работал в нормальном режиме. Это означает, что для определения мер поддержки необходимо учитывать ежемесячный доход субъекта предпринимательства во время ограничения деятельности и сравнивать его с обычным периодом. С другой стороны, предприниматели, деятельность которых прямо не ограничена, должны иметь возможность получить поддержку государства в случае существенного снижения доходов. Исходя из вышеуказанного, резюмируем следующее:

- для субъектов, деятельность которых полностью запрещена нормативно-правовым актом, применение налоговых мер возможно без каких-либо дополнительных оценок финансового состояния;

- для субъектов, деятельность которых ограничена нормативно-правовым актом, применение налоговых мер следует допускать с учетом уровня падения их доходов;

- для субъектов, деятельность которых не ограничена, но напрямую зависит от субъектов, перечисленных выше, применение налоговых мер следует допускать с учетом уровня падения их доходов и при установлении временных ограничений на определение совокупного уровня доходов.

Для недопущения злоупотребления права-

ми третьей категории субъектов предпринимательства, снижение доходов может определяться следующим образом. Во-первых, путем установления временного периода, например, один календарный год, предшествующий наступлению события (в нашем случае локдауна). Во-вторых, доказательством наличия правовых отношений с субъектами предпринимательства, деятельность которых ограничена, и получения от них основного дохода. Это помогло бы доказать, что закрытие отеля привело к невозможности получения дохода клининговой компании, который составлял основную массу денежных потоков. Клининговая компания имела бы право получить освобождение от уплаты различных видов налогов и тем самым сохранить бизнес до фактического возобновления деятельности.

Налоговые меры в период чрезвычайных событий, таких как пандемия, должны быть хорошо продуманными, поскольку играют значительную роль не только в момент таких событий, но и после их отмены [11]. Эффективность налоговых мер зависит от правильно рассчитанного временного периода их применения, чтобы своевременно ограничить воздействие на государственный бюджет, а в то же время стимулировать субъект предпринимательства на модернизацию бизнеса. Существенными принципами применения налоговых мер должны быть их справедливость, адресность и целевое назначение, чтобы не допустить дискриминацию предпринимателей.

Библиографический список

1. Сидорова А. В. Конфиденциальность информации в условиях пандемии // В сборнике: Международная и межрегиональная интеграция в условиях пандемии: экономические, социокультурные и правовые проблемы. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием. Редколлегия: С. И. Ашмарина, А. В. Павлова (отв. редакторы) [и др.]. 2020. С. 541–545.
2. Федеральный закон от 08.06.2020 № 172-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.06.2020. № 24. Ст. 3746.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.
4. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // Собрание законодательства РФ. 13.04.2020. № 15 (часть IV). Ст. 2288.
5. COMMISSION DECISION (EU) 2020/491 of 3 April 2020 on relief from import duties and VAT exemption on importation granted for goods needed to combat the effects of the COVID-19 outbreak during 2020 / [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32020D0491&from=HR> (дата обращения 31.05.2021 г.).
6. World turns to VAT cuts on COVID-19 threat / [Электронный ресурс] URL: <https://www.avalara.com/vatlive/en/vat-news/world-turns-to-vat-cuts-on-coronavirus-threat.html> (дата обращения 31.05.2021 г.).

7. American Rescue Plan Act of 2021 H.R.1319 / [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1319> (дата обращения 31.05.2021 г.).
8. Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act S.3548 / [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3548/text?q=product+actualizaci%C3%B3n> (дата обращения 31.05.2021 г.).
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. Ст. 3824.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 123-О «По запросу Советского районного суда города Брянска о проверке конституционности абзаца двадцать второго подпункта 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 31.05.2021 г.).
11. Сидорова А.В., Цельникер Г. Ф. Реформирование транспортного налога: история и современность // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 1. № 3. С. 62–67.

ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

© 2021 **Ланг Петр Петрович**

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

В настоящей статье рассматривается основополагающее конституционное право на судебную защиту с аксиологических, ценностных позиций. В статье приводятся правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно права на судебную защиту в иерархии права, делается акцент на фундаментальности права на судебную защиту, как обеспечивающего механизма всех иных прав и свобод человека в гражданском обществе. Уделяется внимание практической значимости рассматриваемого права, приводятся примеры судебной правоприменительной практики. Сформулировано определение права на судебную защиту как многоаспектного правового явления. Упомянется роль прав человека в качестве ценностного ориентира в правовом регулировании общественных отношений.

Ключевые слова: право на судебную защиту, правовая ценность, конституция, судопроизводство, судебная власть.

Положения Конституции Российской Федерации императивно предоставляют каждому право осуществлять защиту своих прав и свобод всеми доступными способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45). То есть любое лицо как физическое, так и юридическое свободно в выборе адекватного способа защиты своего нарушенного права. При этом существует критерий, определяющий границы указанного выбора, — способ защиты не должен быть под нормативным запретом.

Одним из основополагающих установленных законодательством способов защиты является судебная защита. Более того право каждого на судебную защиту закреплено и гарантировано на конституционном уровне (часть 1 статьи 46, статья 52 Конституции Российской Федерации).

Одновременно государство гарантирует каждому доступ к правосудию с целью защиты прав и свобод, а также с целью восстановления

уже нарушенного права от посягательств кого бы то ни было, включая субъектов публичной власти. При этом следует учитывать, что человеку, его правам и свободам конституционно определена ведущая позиция в аксиологической иерархии отечественного правопорядка*. В свою очередь под правами человека следует понимать определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями жизнедеятельности человека, его взаимоотношений с окружающими индивидуумами. С аксиологических позиций права человека — это ценностный ориентир, позволяющий применять «человеческое измерение» не только к государству, праву, закону, законности, правовому порядку, но и к гражданскому обществу, поскольку степень зрелости и развития именно гражданского общества непосредственно зависит в значительной мере от состояния дел с пра-

* Algorithms of Human Activity in the Digital Age: The Problem of Preserving Traditional Values / O. J. Rybakov, J. A. Gavrilova, N. A. Kalashnikova, I. N. Falaleeva // Lecture Notes in Networks and Systems (см. в книгах). 2021. Vol. 155. P. 558–566; Паулов П. А., Кобзарев М. А. Право на судебную защиту в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина // Адвокатская практика. 2019. № 3. С. 21–25; Ланг П. П. Иерархия ценностей в отечественном правопорядке // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2018. № 4. С. 143–148; Ланг П. П. Аксиология правоприменительной практики как квинтэссенция правовой материи // Защита прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции (I Международной Школы-семинара молодых ученых-юристов), Москва, 10 сентября 2019 года / Под редакцией В. В. Казакова, К. А. Комогорцевой. — Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. С. 52–57; Чернов К. Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как составная часть конституционного права на судебную защиту // Современное право. 2019. № 12. С. 37–39.

вами человека, от объема этих прав и их практической реализации*.

Под судебной защитой следует понимать организационно-структурированную систему действий судебных органов, связанных с рассмотрением и разрешением споров, отнесенных к компетенции суда, а также отдельных действий связанных с фактическим исполнением судебных актов.

Схожую дефиницию встречаем в одной из работ Л.Ю.Грудцыной. Далее автор, обосновывая и иллюстрируя озвученную позицию, приводит примеры элементов судебной защиты. В частности, по мнению Л.Ю.Грудцыной, в качестве судебной защиты может рассматриваться как отдельное судебное действие (постановление приговора, принятие мер обеспечения иска, применение или отмена меры пресечения, вынесение частного определения), так и в целом деятельность суда по уголовному или гражданскому делу, а также деятельность всей судебной системы**.

Право на судебную защиту являются личными неотчуждаемыми правами любого человека, независимо от гражданства (подданства) последнего. Данное право наряду с гражданами Российской Федерации в полной мере гарантируется иностранным гражданам и апатридам.

Следует отметить, что и на международном уровне также закреплено право каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (статья 8 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года). Схожие императивы встречаются и в иных международных актах.

Конституционное право на судебную защиту осуществляется посредством обращения в компетентный суд, входящий в систему государственных судов России. При этом заинтересованное лицо имеет право в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные суды и правозащитные организации за защитой нарушенного права, в случае если указанным лицом исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные (национальные) способы и средства

правовой защиты. Что нашло свое отражение в положениях части 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал в своих решениях, что конституционное право на судебную защиту, как следует из статьи 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством; иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 28 мая 1999 года № 9-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 8 июня 2015 года № 14-П, от 12 января 2021 № 1-П и др.). При рассмотрении заявлений суд не должен ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным (постановления от 28 октября 1999 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 30 октября 2014 года № 26-П и др.; Определение от 9 июля 2020 года № 1644-О и др.).

Также Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 02 июля 2013 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т.Гадаева и запросом Курганского областного суда» отмечал, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, федеральный законодатель, устанавливая порядок его отправления, обязан предусмотреть механизм (процедуру), который гарантировал бы вынесение правосудных, т.е. законных, обоснованных и справедли-

* Права человека: учебное пособие / Н.Н.Карпов, Ю.В.Нечипас, А.А.Опалева [и др.]; под ред. И.В.Гончарова; Университет прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. С. 10.

** Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект // Законодательство и экономика. 2003. № 8.

вых, судебных решений.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод обусловлена особым местом судебной власти в системе разделения властей и ее прерогативами по осуществлению правосудия, вытекающими из ст. ст. 10, 11 (ч. 1), 18, 118 (ч. 2), 120 (ч. 1), 125–127 и 128 (ч. 3) Конституции Российской Федерации. Именно судебная власть, независимая и беспристрастная по своей природе, играет решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина, и именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем предопределяется значение судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер (Определение Конституционного Суда РФ от 04 июня 2013 года № 882-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности положений пункта 2 части первой статьи 26, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 5 Закона Ростовской области «Об охране зеленых насаждений в населенных пунктах Ростовской области»).

В международных актах также делается особый акцент на необходимость формирования независимой внутригосударственной судебной системы. Согласно пункту 6 Основных принципов независимости судебных органов, одобренных Резолюциями 40/32 и 40/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года и от 13 декабря 1985 года, принцип независимости судебной власти предоставляет судебным органам право и требует от них обеспечения справедливого ведения судебного разбирательства по делу, а также соблюдения прав лиц, участвующих в рассмотрении спора.

Следует констатировать, что отечественный правопорядок без каких-либо исключений придерживается, названным постулатам.

Провозглашение в Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью

обуславливает создание условий для полноценной и свободной их реализации, формирования и обеспечения действенного механизма защиты, отвечающего всем аксиологическим критериям. В указанной связи совершенно оправданно М.Г.Котельников заявляет, что по степени защищенности прав человека в значительной мере можно судить об уровне развития общества и государства в целом*.

Суды в России самостоятельны, отправляют правосудие беспристрастно и независимо, при этом подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону (часть 1 статьи 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», статья 120 Конституции Российской Федерации).

Указанная конституционная самостоятельность судебных органов обеспечивается нормативными механизмами самоуправления и самоорганизации, а также посредством законодательного установления гарантий независимости судей в России**.

Конституция Российской Федерации также провозглашает и устанавливает равенство всех перед судом (часть 1 статьи 19).

Как отмечалось ранее, право на судебную защиту гарантируется государством каждому. Другими словами в суд за защитой нарушенного права могут обратиться не только российские граждане и их объединения, но и иностранные физические и юридические лица, международные организации, а также лица без гражданства.

В соответствии с положениями части 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту не может быть ограничено. Конституционное установление озвученного правила имеет важное практическое значение и как следствие аксиологический потенциал.

В качестве примера можно привести постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.02.2021 № Ф06–6660/2016 по делу № А65–26341/2014, в котором суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты нижестоящих инстанций, констатировал, что при рассмотрении настоящего спора суды, ограничившись суждением о том, что требование заявителя фактически направлено на пересмотр вступив-

* Котельников М.Г. Реализация права на судебную защиту в современной России // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 68.

** Рыбаков О.Ю. Онтологические основания предмета конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10(95). С. 120–125.

ших в законную силу судебных актов по делу о несостоятельности (банкротстве) кооператива, уклонились от надлежащей оценки имеющихся доказательств и не разрешили настоящий спор по существу применительно к требованиям АПК РФ, что повлекло за собой нарушение права заявителя на судебную защиту и фактически лишило последнего гарантированного права на обжалование действий конкурсного управляющего должника. Судебная коллегия окружного суда в данном случае среди прочего отметила, что отказ в удовлетворении требований по формальным основаниям не обеспечивает должной защиты права участника гражданского оборота*.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 13 ноября 1995 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н.Самигуллиной и А.А.Апанасенко» указал, что право граждан на судебную защиту относится к таким правам, которые в силу статьи 56 Конституции Российской Федерации не могут быть ограничены ни при каких условиях.

Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (часть 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации). Обозначенное также говорит о том, что заинтересованное лицо при обращении в суд с требованием должен соблюдать правила компетенции судов, установленные соответствующим процессуальным законодательством.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих актах неоднократно указывал, что из права каждого на судебную защиту, как оно сформулировано в статье 46 Конституции Российской Федерации, не следует возможность выбора лицом по своему усмотрению той или иной процедуры судебной защиты, особенности которой применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяют-

ся федеральным законом (Определения от 24 ноября 2005 года № 508-О, от 19 июня 2007 года № 389-О-О, от 15 апреля 2008 года № 314-О-О).

В юридической литературе совершенно оправданно отмечается, что право на судебную защиту — многоаспектное явление в правовой материи. Обозначенный постулат основан на следующих аргументах:

- право на судебную защиту рассматривается как юридическое средство, способ обеспечения прав и свобод человека,
- право на судебную защиту представляет собой конституционный принцип либо принцип судопроизводства,
- право на судебную защиту также рассматривается в качестве субъективного права конкретного индивида, в основе которого находится мера возможного поведения**.

Обозначенное подчеркивает особо важнейшую роль права на судебную защиту в формировании правового государства и гражданского общества с учетом аксиологической, ценностной основы судебной защиты, а также органично демонстрирует особый статус рассматриваемого явления в общей системе права, принимая во внимание синергетические характеристики последней***.

Резюмируя, следует констатировать, что судебная защита, осуществляемая в форме правосудия, представляет собой наивысший уровень гарантированности и обеспеченности прав и свобод субъектов правоотношений. Безусловно должный уровень отправления правосудия обуславливается высоким статусом судебных органов. И не следует забывать, что в итоге эффективность отправления правосудия непосредственно зависит от исполнимости судебных актов, вступивших в законную силу. Только при фактическом исполнении вступившего в силу судебного акта, вынесенного по итогам рассмотрения спора, можно говорить не о аморфном, а о реальном восстановлении нарушенного права.

* Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.02.2021 № Ф06–6660/2016 по делу № А65–26341/2014 // <https://kad.arbitr.ru>.

** Песков А. А. Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту муниципальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 43–44; Чернов К. Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как составная часть конституционного права на судебную защиту // Современное право. 2019. № 12. С. 37–39.

*** Лошкарев А. В. К вопросу о категории «системность права» // Вопросы экономики и права. 2016. № 92. С. 13–16; Лошкарев А. В. Синергетика в системе методов теории права: спор о применимости // Актуальные проблемы праведения. 2015. № 1–2(45). С. 3–5.

Библиографический список

1. Algorithms of Human Activity in the Digital Age: The Problem of Preserving Traditional Values / O.J. Rybakov, J.A. Gavrilova, N.A. Kalashnikova, I.N. Falaleeva // *Lecture Notes in Networks and Systems* (см. в книгах). 2021. Vol. 155. P. 558–566. DOI 10.1007/978-3-030-59126-7_63.
2. Грудцына Л. Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект // *Законодательство и экономика*. 2003. № 8.
3. Котельников М. Г. Реализация права на судебную защиту в современной России // *Ленинградский юридический журнал*. 2017. № 2. С. 68.
4. Ланг П. П. Иерархия ценностей в отечественном правопорядке // *Проблемы развития предприятий: теория и практика*. 2018. № 4. С. 143–148.
5. Ланг П. П. Аксиология правоприменительной практики как квинтэссенция правовой материи // *Защита прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции (I Международной Школы-семинара молодых ученых-юристов)*, Москва, 10 сентября 2019 года / Под редакцией В. В. Казакова, К. А. Комогорцевой. — Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. С. 52–57.
6. Лошкарев А. В. К вопросу о категории «системность права» // *Вопросы экономики и права*. 2016. № 92. С. 13–16.
7. Лошкарев А. В. Синергетика в системе методов теории права: спор о применимости // *Актуальные проблемы правоведения*. 2015. № 1–2(45). С. 3–5.
8. Паулов П. А., Кобзарев М. А. Право на судебную защиту в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина // *Адвокатская практика*. 2019. № 3. С. 21–25.
9. Песков А. А. Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту муниципальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
10. *Права человека: учебное пособие* / Н. Н. Карпов, Ю. В. Нечипас, А. А. Опалева [и др.]; под ред. И. В. Гончарова; Университет прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. 296 с.
11. Рыбаков О. Ю. Онтологические основания предмета конституционного права // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 10(95). С. 120–125.
12. Чернов К. Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как составная часть конституционного права на судебную защиту // *Современное право*. 2019. № 12. С. 37–39.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ДОВЕРИТЕЛЯ В НАЛОГОВЫХ СПОРАХ

© 2021 **Лошкарев А. В.**

кандидат юридических наук

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: 2482337@mail.ru

© 2021 **Кашина А. В.**

магистрант

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: kashin.anelu@mail.ru

Для формирования правового государства требуется постоянное реформирование российского законодательства, а также пересмотр значения социальных ценностей и основополагающих правовых институтов. Прежде всего, обновление законодательства направлено на демократизацию судопроизводства, так как в юридической сфере уже давно определили проблему существующего конфликта интересов между органами власти и гражданами при разрешении различного рода споров. Так, и налоговые споры являются камнем преткновения между налоговыми органами и налогоплательщиками.

Ключевые слова: адвокат, налоговый спор, судебный процесс, доверитель, закон, фискальные органы, справедливость, представительство в суде.

Налоговые споры отличаются от иных видов судебных споров тем, что с одной стороны интересы государства представляют налоговые органы в лице профессиональных юристов, а с другой стороны налогоплательщик защищает противоположные интересы. Мы сталкиваемся с проблемой, когда налогоплательщик не обладает достаточной квалификацией для защиты своих прав, и весь судебный процесс основывается исключительно на позиции налогового органа. Для таких случаев и предусмотрен адвокат, представляющий интересы доверителя в налоговых спорах.

Деятельность адвокатов по защите прав и интересов налогоплательщиков, в лице граждан и организаций, регламентируется законодательными нормами, определяющими процессуальные полномочия адвокатов, регулирующие их труд и организацию адвокатуры [1]. Адвокат является основным участником общественных отношений со стороны своего доверителя, через поведение которых достигаются результаты, которые намерен достигнуть законодатель, издавая нормы права. Регулирование взаимоотношений в обществе осуществляется при помощи законов (норм права).

Понятие «адвокатура» неотделимо от понятия «справедливость». На обыденном уровне категория «справедливость» очевидна и ясна всем.

Однако представление о справедливости как в обществе, так у отдельного гражданина может меняться. Это в значительной степени связано с теми или иными общественными идеалами. Сегодня, послесоветского исторического периода в жизни нашей страны, мы связываем свои представления с гуманистическими общечеловеческими ценностями, с представлениями о естественных и неотъемлемых правах и свободах человека и гражданина [2]. Возможность достижения справедливости в государстве является ценнейшим завоеванием демократии.

Так, налоговые органы зачастую ошибаются при начислении налога, необоснованно привлекают налогоплательщиков к ответственности, представляют необоснованные выводы проверки и допускают иные ошибки. Предметом спора в данном случае являются либо права, указанные в ст. 21 НК РФ [3], либо обязанности, указанные в п. 1 ст. 23 НК РФ, если инициатором являются налоговые органы. Налоговый спор обладает следующими признаками, определяющими необходимость участия профессионального субъекта, а именно адвоката, при представлении интересов доверителя, налогоплательщика:

1) Определенный законодательно состав субъектов. В налоговом споре с одной стороны участвуют государственные службы (налоговые), с другой — плательщики налогов (физические и

юридические лица).

2) Характер спорного правоотношения. Налоговым считается только такое судебное разбирательство, которое следует из налогового законодательства РФ.

3) Фактическое неравенство сторон. Фискальные органы представляют собой государственную структуру. В свою очередь, состязательность и равенство сторон в процессе есть равноправие гражданина и государства, их паритет и равные возможности в отстаивании своих прав и интересов. А принимая во внимание, что интересы гражданина, как правило, представляет адвокат, то очевидно, что это означает равенство адвоката и государства. Равенство государства и адвокатуры, а также независимость последней являются важными условиями существования адвокатуры как защитника прав и свобод человека и гражданина.

4) Регламентированное законом ведение налоговых дел. Конфликт разрешается строго в прописанных законом формах, которые включают досудебное и судебное урегулирование.

Разрешение таких споров требует тщательной подготовки, опыта юридической практики в разрешении налоговых споров. Однако, физические лица, не обладающие юридическим образованием, зачастую не могут защитить свои права, а юридические лица не всегда располагают хорошим юридическим отделом, в частности, налоговыми юристами, которые смогут разрешить налоговый спор в пользу организации. В данном случае необходима квалифицированная помощь адвоката по налоговым спорам. Квалифицированная помощь подразумевает профессиональную юридическую помощь, которую адвокаты могут оказать, представляя в суде и иных государственных и общественных органах, осуществляя защиту в суде, проводя консультации и составляя правовые документы. Его помощь может затрагивать различные сферы общественной жизни, регулируемые отдельными институтами и отраслями права [4].

Так, задача адвоката по налоговым спорам заключается в подготовке претензий, оформлении документов, ведение дела в суде. Он берет на себя все обязательства по досудебному и судебному урегулированию. Также он может выступить уполномоченным представителем, сберегая время руководителя фирмы.

В целом можно обозначить основные моменты, определяющие объем работы адвоката с доверителем, налогоплательщиком, по налого-

вым спорам [5].

Во-первых, адвокат должен обязательно провести консультацию с доверителем. Он должен понять суть налогового спора, а также перспективы его успешного разрешения, так как бывают ситуации, когда налогоплательщик ошибочно понимает сложившуюся ситуацию и не видит своего нарушения налогового законодательства. Поэтому адвокат возьмет данное дело только тогда, когда убедится, что есть реальная возможность выиграть налоговый спор.

Во-вторых, адвокат должен подготовить возражения на акт налоговой проверки в установленный законом срок. Уже на этом этапе необходимы квалифицированные знания налогового законодательства.

В-третьих, адвокат по налоговым спорам должен сформировать доказательственную базу. Прежде всего, это сведения о нарушениях в действиях налоговых инспекторов, которые подкреплены ссылками на законодательные акты. Также адвокат должен выявить процедурные нарушения, допущенные налоговым органом при проведении налоговой проверки, экспертизы, выемки, и иных действий.

В-четвертых, это составление жалобы на действия налоговых инспекторов, которая подается вышестоящему налоговому органу. Так как ФНС России старается сократить количество судебных дел по налоговым спорам, все жалобы, полученные в ходе досудебного производства изучаются данным контролирующим органом крайне скрупулезно. Поэтому от качества составленной жалобы зависит дальнейший исход дела.

Если же данная жалоба не будет разрешена ФНС России в пользу налогоплательщика, адвокат представляет интересы доверителя в суде на основании доверенности.

Также адвокат оказывает помощь доверителю в разблокировке счетов при положительном исходе судебного дела.

В настоящее время адвокатура является институтом гражданского общества, так как она обладает многими признаками и принципами гражданского общества, в частности: независимостью от государства, равноправием, защитой интересов, прав и свобод граждан [6]. Публичный характер адвокатуры вытекает непосредственно из ее профессиональной деятельности по защите прав и свобод граждан, а также из функций адвокатуры, которые важны для всего общества.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
2. *Беньяминова З.Я.* Адвокатура как институт гражданского общества: историко-правовой экскурс // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4. С. 9–11.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
4. *Шокотько М.А.* Особенности развития института адвокатуры в системе институтов гражданского общества: историко-правовой экскурс // Экономика и право. XXI век. 2017. № 2. С. 171–173.
5. *Кучерена А.Г.* Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России. Учебник. М., 2003. С. 200.
6. *Жамбалова Б.Б.* Адвокатура как современный правовой институт гражданского общества // Молодой ученый. 2016. № 11 (115). С. 1289–1292.

УДК 336.743

DOI: 10.14451/2.156.19

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2021 **Лошкарев Андрей Викторович**

кандидат юридических наук, доцент

Самарский государственный экономический университет

E-mail: 2482337@mail.ru

© 2021 **Кутовой Ян Сергеевич**

студент

Самарский государственный экономический университет

E-mail: yan_kutovoy@bk.ru

Сравнительный анализ правового регулирования криптовалюты в разных странах позволит сделать совокупный вывод об имеющихся возможностях применения криптовалюты. В статье выявлены основные проблемы правового регулирования криптовалюты, а также тенденции и пути развития, выработаны рекомендации для минимизации рисков при обращении с криптовалютой.

Ключевые слова: криптовалюта, правовое регулирование, цифровая валюта, цифровые финансовые активы.

В российском государстве уже предпринята попытка принять нормативные акты, которые бы определили правовой статус криптовалюты. Однако, Российская Федерация находится еще только на пути к становлению законодательной базы, регулирующей отношения связанные с криптовалютой.

Остается очень много пробелов в нормативно-правовом регулировании, в связи с чем складывается судебная практика, при которой суд далеко не всегда встает на сторону потерпевшей стороны.

В настоящее время единой позиции у отечественных и зарубежных ученых относительно определения понятия криптовалюты до сих пор не сложилось. Криптовалюта, как правило, рассматривается в качестве объекта гражданских прав, в качестве цифровой валюты, цифрового имущества, товара, средства платежа, а иногда даже как обязательственное право. Валютой, существующей только в электронном виде называют цифровую валюту [1].

Цифровая валюта классифицируются по способу регулирования и подразделяются на следующие: виртуальная валюта и регулируемая центральным банком.

Виртуальной валютой являются цифровые деньги, которые не регулируются центральным банком, контролировать которые может только сам разработчик. К виртуальной валюте также относятся электронные деньги.

Криптовалюту возможно классифицировать исходя из следующего: по популярности (популярные, не популярные); по курсу и капитализации (котируемые на бирже и не котируемые); по сфере применения (полноценные аналоги электронных денег, аналоги, созданные для банков, безопасные (надежные), приватные, удобные); по происхождению (созданные одним лицом, группой лиц, организацией); по перспективе развития (перспективные и неперспективные); по отношению к криптовалютам (признанные странами, непризнанные странами, введенные странами).

Поскольку криптовалюта в настоящее время является не только средством осуществления платежей, но и объектом инвестирования сперва рассмотрим вопрос правового регулирования выпуска и размещения криптовалюты.

Вопрос правового регулирования выпуска и размещения криптовалюты является актуальным, поскольку криптовалюта в настоящее время является не только средством осуществления платежей, но и объектом инвестирования.

Первой попыткой регулирования криптовалюты в России является сообщение Банка России от 27 января 2014 г., в котором говорится о том, что «криптовалюта не обеспечена ни одним государством и нет юридически ответственных субъектов по ним. Транзакции с криптовалютой имеют спекулятивный характер, осуществляется на незаконных цифровых биржах и имеет высо-

кий риск потери ценности. Также высок финансовый риск, поскольку цифровые транзакции не защищены законом».

В 2017 г. Центральный Банк РФ подтвердил свою позицию 2014 г., опубликовав информационное сообщение «Об использовании частных «виртуальных валют (криптовалют)», согласно которому, не допускает к обращению и не обслуживает сделки с криптовалютой [2].

Нормативно-правовое регулирование в области отношений, связанных с регулированием криптовалюты в России стало активно развиваться с 2017 г.

Так, в целях развития информационного общества и формирования национальной цифровой экономики в Российской Федерации Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

Министерством финансов РФ был подготовлен законопроект «О цифровых финансовых активах». Создание законопроекта обусловлено необходимостью подготовки нормативно-правовой базы для регулирования отношений, которые возникли в области информационных технологий [3].

Первоначально законопроект содержал положения о криптовалюте, которые впоследствии убрали из него.

В январе 2018 года технология блокчейн была внедрена в документооборот Федеральной таможенной службы, с целью использовать её для верификации сертификатов происхождения товаров, что повысило контроль качества ввозимых в страну товаров.

18 марта 2019 г. приняли Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который дополнил Гражданский кодекс РФ статьей 141.1 «Цифровые права», данное понятие было введено впервые [4].

В соответствии с п. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового пра-

ва другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Относительно данного «нововведения», авторы Бельх В. С., Болобанова М. О. в своей работе пишут, что «экономическая природа понятия «цифровой финансовый актив» противоречит его правовому определению и предполагаемому в проектах законов правовому режиму» [5].

Исходя из положений данной статьи можно сделать вывод, что, под цифровыми правами понимается право на криптовалюты. Однако в принятом законе не содержится определение объекта права.

В соответствии с п. 1 ст. 141.2 ГК РФ в редакции законопроекта № 424632–7, представленного к первому чтению, «цифровыми деньгами может признаваться не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей» [6].

Данное определение, к большому сожалению, исключили из текста законопроекта на основании Официального отзыва Правительства РФ на проект Федерального закона № 424632–7, принятый Государственной Думой в первом чтении 22 мая 2018 г., в связи с тем, что данная норма не соответствует ст. 75 Конституции РФ [7].

С января 2021 года вступил в законную силу федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8].

Изначально законопроект содержал термин «криптовалюта», однако в итоге он был заменен на термин «цифровая валюта». Основные детали данного термина заключаются в том, что цифровой валютой признается совокупность электронных данных в системе, ей возможно оплачивать, или сохранить как инвестиции, несмотря на то, что она не является денежной единицей.

Термин «цифровая валюта», введенный настоящим федеральным законом, не приравнивается к термину «криптовалюта», поскольку механизм получения и экономическая ценность криптовалюты говорит о том, что она обладает имущественной стоимостью, может быть пред-

метом сделки, на нее может быть обращено взыскание.

Из-за значительных пробелов в законе ситуация для сторон криптобизнеса осталась без изменений. В мировом сообществе во многих странах терминология в законах о криптовалюте уже была изобретена, однако в России ей не воспользовались, придумав свои собственные термины, которые создают неопределенность и путаницу.

По факту новый закон стал основой для цифровизации отечественных активов, которые крайне сложно выводить на международный рынок.

За пределами Закона О ЦФА осталось понятие майнинг, как вид деятельности. Также имеются противоречия, в частности, в законе цифровую валюту признают, как средство платежа и инвестицию, однако в ст.14 регламентировано, что в России ни физические, ни юридические лица не имеют право принимать цифровую валюту в качестве оплаты за предоставленные услуги, или товары, или в качестве оплаты иным образом.

Более того, для получения судебной защиты собственнику валюты необходимо оплачивать налоги, получается, что неуплата налогов влияет на право собственности, что также представляется не совсем корректным.

Банком России в апреле 2021 г. была представлена концепция цифрового рубля. Так, согласно вышеназванной концепции, данная платформа должна будет выпущена в декабре 2021 года, на 2022 год запланированы соответствующие тестирования. Только после тестирования правительством будет принято решение, о том, каким именно образом будет реализована и внедрена данная платформа.

Банк России обещает установить единые для всех правила и тарифы, предварительно сообщая, о том, что все переводы между физическими лицами будут производиться бесплатно.

Предположительно, цифровые рубли могут быть использованы как для накоплений, так и для платежей. В будущем, возможно, они полностью заменят бумажные деньги. Таким образом, государство сможет отслеживать все операции. Открыть такой счет будет возможно только в ЦБ. Цифровые рубли будут находиться непосредственно в электронных кошельках ЦБ.

Банк России будет выступать эмитентом цифрового рубля, также будет разработано

специальное мобильное приложение для хранения денежных средств. В приложении будет функционировать 2-й кошелек, отвечающий за офлайн операции, в том числе при расчетах в обычных магазинах. Пополнить второй кошелек будет возможно через первый.

Анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации в области регулирования криптовалют помог выделить следующие проблемные моменты при её майнинге и обращении:

Обращение криптовалюты никем не контролируется, что несет в себе высокие риски при проведении обменных операций и привлечения инвесторов, в связи сильным колебанием курса.

Отсутствие договорных отношений с оператором, держателем криптовалюты, в связи с чем, все операции являются необратимыми, их невозможно отменить, что может привести к финансовым потерям и невозможности защиты своих прав.

У криптовалюты отсутствует обеспечение (валютой, драгоценными металлами), однако ее возможно обменять на государственную валюту фактически любого государства.

Правовой статус криптовалюты не определен. Отсутствие единого мнения у разных ведомств относительно криптовалюты, поскольку нет законодательного регулирования. Проблема определения правового статуса криптовалюты, имеет место быть, поскольку в действующем российском законодательстве использование криптовалют не урегулировано.

Все вышеуказанные проблемные моменты обуславливают активное использование криптовалют в преступной деятельности (торговля оружием, наркотиками, поддельными документами, финансирование терроризма).

В связи с отсутствием у криптовалюты контролирующего органа сделки с ней не подлежат обжалованию, невозможно отменить транзакцию, участники таких отношений становятся уязвимы в плане отстаивания своих интересов в суде.

Таким образом, можно сделать вывод, что Российская Федерация находится еще только на пути к становлению законодательной базы, регулирующей отношения связанные с цифровизацией экономики и криптовалютой. Правовой статус криптовалюты не определен. Отсутствие единого мнения у разных ведомств относительно криптовалюты, поскольку нет законодатель-

ного регулирования. Проблема определения правового статуса криптовалюты, имеет место быть, поскольку в действующем российском законодательстве использование криптовалют не урегулировано.

Проанализировав зарубежную практику нормативно-правового регулирования криптовалюты следует отметить следующее. За рубежом отношения с криптовалютой у государств складываются по-разному, одни страны её принимают, создавая нормативно-правовую базу для её регулирования, другие до сих опасаются.

Самая первая страна, принявшая криптовалюту стала Япония. С 2017 года она была признана, как средство платежа. Криптовалюта там приравнивается к электронным деньгам, таким образом, она конечно не является денежным средством, но ей возможно производить оплату. В Японии была создана Комиссия по цифровым активам, считающаяся саморегулируемым органом, также там действует закон «О платежных услугах».

В Республике Беларусь Декретом № 8 Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21.12.2017 г. в целях развития и построения цифровой экономики создаются условия для внедрения в экономику технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), а также иных технологий основанных на принципах распределенности, децентрализации и безопасности совершаемых с их использованием операций [9].

До принятия настоящего Декрета обращение криптовалюты в Беларуси не было урегулировано на законодательном уровне. С принятием настоящего Декрета в Республике Беларусь юридическим лицам разрешено владеть токенами (хранить их в виртуальных кошельках), создавать, размещать их на территории Республики и за рубежом, также, приобретать, отчуждать, и совершать с ними иные сделки.

Физическим лицам разрешено владеть, заниматься майнингом, осуществлять хранение, обмениваться токенами, дарить, завещать, приобретать и отчуждать. Операторы криптовалюты имеют право открывать счета в банках, кредитно-финансовых и небанковских организациях Республики и за рубежом. Более того, до 1 января 2023 г. криптовалюта в Республике не подлежит налогообложению.

В Германии в 2018 г. Министерством финансов было дано разъяснение по поводу бит-

койнов. Так, уже в 2018 г. было определено, что биткойн является не электронными деньгами или функциональной валютой, а «единицей расчета», «финансовым инструментом», «частными деньгами» [10]. Федеральное ведомство по контролю за финансовыми услугами отнесло биткойн к валюте. Также в этой стране есть компания, позиционирующая себя в качестве криптобанка — Bitwala, в котором обеспечена защита вкладов на сумму до 100 000 евро.

В Италии криптовалюта, а также блокчейн-технологии регулируется за законодательном уровне.

В 2017 году Законодательным актом № 90, криптовалюта была приравнена к обычным деньгам, при этом постановлением от 02.02.2018 г. правительством Италии было закреплено, что криптовалюта является инструментом для отмывания денежных средств, которые получены преступным путем, финансирования терроризма, а также, что криптовалюта не является средством платежа.

Швейцария в руководстве FINMA (Управление надзора за операциями финансового рынка) к ценным бумагам приравнивает только инвестиционные токены, а биткойн и эфириум данной страной не рассматриваются как ценные бумаги.

FINMA выделяет 3 вида токенов:

- платежные (криптовалюта), например биткойн, эфириум;
- утилитарные, дающие доступ для использования услуг, которые предоставляются при помощи блокчейна.
- инвестиционные. Например, акции и облигации.

Также отмечается, что токены могут попасть сразу в несколько категорий, представляя из себя ценную бумагу и одновременно платежное средство.

При этом 26 августа 2019 г. швейцарский регулятор FINMA впервые выдал двум блокчейн-компаниям (SEBA Crypto и Sygnum) банковские лицензии.

В США рынок криптовалюты сегодня отчасти регулируется. Использование криптовалюты достаточно жестко контролируется. В 2018 г. криптовалюта была приравнена к товару, в первую очередь для того, чтобы криптовалютные операции облагались налогом.

Все компании, занимающиеся криптовалютными операциями в обязательном порядке

должны быть зарегистрированы в специальном реестре, который имеет государственный статус. Операции, производимые с криптовалютой подлежат обязательному налогообложению. Токены в США приравниваются к ценным бумагам.

Австралия рассматривает криптовалюту как товар, деятельность, связанная с криптовалютой не подлежит лицензированию, поскольку криптовалюта не рассматривается в качестве финансового продукта. Налоговая там взяла на себя официально мониторинг биткойна.

К криптовалютным транзакциям применяется система налогообложения как к товарным операциям. Операции с криптовалютой облагаются подоходным налогом и налогом на прибыль.

Там действует Кодекс поведения для игроков индустрии цифровых валют, которым устанавливаются надлежащие стандарты ведения криптовалютного бизнеса в стране. При инвестировании криптовалюты налог на прирост капитала отсутствует. Интересно, что в Австралии возможно получать зарплату криптовалютой, если будет достигнуто соглашение между сотрудником и работодателем.

Китай расценивает криптовалюту как виртуальный товар. В 2013 году было разрешено всем желающим вести деятельность с криптовалютой. В 2014 году всем организациям было рекомендовано закрыть счета интернет –ресурсов, которые осуществляли работу с биткойном.

Налогообложению подлежат операции при обмене, покупке, продаже криптовалюты как физическими, так и юридическими лицами.

Народный банк Китая пытается создать национальную валюту, которую начали тестировать в феврале 2017 г. Технология блокчейн там поддерживается.

Сейчас в 2021 году в Китае вводятся жесткие санкции в отношении транзакций криптовалюты, всем финансовым организациям запрещено предоставлять услуги по регистрации, торговле, клирингу и производить расчеты с криптовалютой.

В Сингапуре налоговая служба государства в 2014 г. признала биткойн как товар или услугу. Также к криптовалюте применяется законодательство по противодействию терроризма и отмыванию денег.

Операции с криптовалютой в Сингапуре облагаются корпоративным подоходным налогом (17%). Криптовалютные биржи подлежат реги-

страции и находятся под контролем MAS.

Биткойн, как показал наш обзор выше, вполне может претендовать на статус глобальной валюты, несмотря на его очевидные недостатки. Главным преимуществом биткойна является его реальная децентрализация.

Тот факт, что создатель биткойна не известен (Сатоши Накамото лишь псевдоним) и не пытается управлять процессами, внушает оптимизм тем, кого криптовалюта привлекает именно неподконтрольностью некой центральной власти, неважно — государственной или частной.

Будет сильным упрощением и вульгаризацией воспринимать этих сторонников криптовалют исключительно как представителей криминального мира.

Большинство из них разделяют идеи криптоанархизма, выступая за использование асимметричной криптографии для обеспечения соблюдения принципов конфиденциальности и индивидуальной свободы. Именно такие «идейные» криптоинвесторы поддерживают новые глобальные проекты по разработке криптовалюты принципиально нового уровня.»

Представляется, что именно это вызывает настороженное отношение к криптовалютам со стороны государств. Многие опасения, которые высказывались на первых этапах распространения криптовалют, уже очевидно не сбылись.

Криптовалюты не признаются и угрозой для мировой финансовой стабильности, о чем заявили лидеры стран «Большой двадцатки» на саммите в Буэнос-Айресе в марте 2018 г.

Тем не менее последние крупные проекты по созданию криптовалют, рассчитанные на многомиллионную аудиторию социальных сетей (Facebook, Telegram), были запрещены властями США. Жесткую позицию по поводу криптовалют занимает и Россия [11].

Проведя анализ правового регулирования криптовалюты в России и зарубежных странах следует отметить, что после закрепления на законодательном уровне понятийного аппарата, связанного с криптовалютой, законодателю будет необходимо определить основные «моменты» относительно внесения поправок российское законодательство.

В совокупности из представленных данных можно сделать вывод, что Российская Федерация находится еще только на пути к становлению законодательной базы, регулирующей отношения связанные с криптовалютой.

Библиографический список

1. *Егорова М.А., Ефимова Л.Г.* Понятие и особенности правового регулирования криптовалют // *Предпринимательское право*. 2019. № 3. С. 11–16.
2. Пресс-релиз ЦБ РФ «Об использовании частных «виртуальных валют (криптовалют)» // URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm (дата обращения 23.05.2021)
3. Законопроект № 419059–7 «О цифровых финансовых активах» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7> (Дата обращения 23.05.2021)
4. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения 24.05.2021)
5. *Белых В.С., Болобонова М.О.* «Проблемы определения правового режима криптовалют» // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2019. № 3. С. 23.
6. Проект Федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2021)
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 24.05.2021)
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 24.05.2021)
9. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» г. Минск. URL: <https://legal.report/uploads/doc/%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%828.pdf> (дата обращения 15.04.2021)
10. Deutschland erkennt Bitcoins als privates Geld an // *Frankfurter Allgemeine Zeitung GmbH*. 2013. 16 August. (дата обращения 30.05.2021)
11. *Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Цифровые активы: правовой анализ: монография / Л.В.Санникова, Ю.С.Харионова // Москва: 4 Принт, 2020. — 304 с.

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ КАК СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2021 **Лошкарев А. В.**

доцент, кандидат юридических наук

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: 2482337@mail.ru

© 2021 **Мараховский И. В.**

магистрант

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: marahov.van@mail.ru

На сегодняшний день ученые в сфере уголовного права до сих пор не пришли к единому мнению о применении медиации при разрешении уголовных дел. Мы считаем, что успех применения уголовной медиации может быть определен тем положительным эффектом, который она оказывает на реализацию уголовно-правовой политики в зарубежных странах. В данной статье будет изучен не только опыт зарубежных стран в применении уголовной медиации, но и позиции ученых, определяющих необходимость использования данного правового института через юридические, философские и социальные факторы. Также на основании проведенного сравнительно-правового анализа будут предложены пути совершенствования российского законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, уголовное преследование, судебная система, принципы уголовного права, правоохранительные органы, медиаторы, справедливость, истина, судебные издержки.

Уголовный закон направлен на защиту потерпевшего и предупреждение совершения новых преступлений, а также на лишение ограничения свободы лица, совершившего преступление. В Российской Федерации предусмотрено лишь уголовное преследование со стороны государства, определенные исключения присутствуют в процедуре частного обвинения, но в целом привлечение к уголовной ответственности регламентировано уголовно-процессуальным законодательством, которое пока исключает использование процедур медиации при разрешении уголовных дел. Практика медиации уже хорошо зарекомендовала себя в гражданском и арбитражном судопроизводствах. Итак, одной из форм, которая используется сегодня в зарубежных странах, является посредничество в уголовных делах, которое используется как альтернативная форма разрешения уголовных дел, особенно по «незначительным» преступлениям. Более того, уже существует успешная практика применения медиации в уголовной сфере зарубежных стран. Для определения необходимости введения в российскую правоприменительную практику процедуры медиации изучим опыт зарубежных стран.

Отметим, что в своей деятельности правоохранительные органы должны основываться на принципе разрешения конфликтов, ориентироваться на процесс, и процесс должен быть неформальным. Одной из форм уголовного посредничества, внедренной и применяемой в зарубежных странах, является медиация при рассмотрении дел о домашнем насилии, где выдвигается принцип посредничества с потерпевшими и правонарушителями. В этом исследовании делается вывод о том, что применение медиации при разрешении отдельных категорий уголовных дел является одной из форм восстановительного правосудия в зарубежных странах, от представителей развитых стран, к которым можно отнести США, и представителей стран в которых правовая система находится в состоянии становления, например, Индонезии [1].

В научной среде сложилось такое мнение, что судебная система в России сегодня часто воспринимается как переживающая кризис социальной легитимности и кризис общественного доверия, и даже граждане часто не понимают судебный процесс, в котором они участвуют, даже если они принимают непосредственное

участие. В судебном процессе в основном воплощается реализация правоохранительной деятельности, где правоохранительная деятельность представляет собой серию процессов для сохранения ценностей, идей, определяемых уголовным законом, которые являются довольно абстрактными, которые являются целью закона.

Сама цель закона — это, по сути, правовой идеал, содержащий моральные ценности, такие как справедливость и истина. Эти ценности должны быть реализованы в реальной действительности. Существование закона признается, если содержащиеся в нем моральные ценности могут быть реализованы. Действительно, правоохранительные органы олицетворяют верховенство государственных ценностей, а именно справедливости. Но поскольку используется современный закон, суд больше не место для поиска справедливости. Суд — это всего лишь место, которое реализует правила и процедуры. Закон больше не может обеспечивать справедливость, которая до сих пор является идеалом правовых целей. От граждан следует потребовать отдавать приоритет честности и искренности правоохранительных органов. Они должны проявлять сочувствие и заботиться о страданиях людей и нации. Интересы людей (их благополучие и счастье) должны быть ориентиром и конечной целью правоприменения. Именно в этой логике осуществляется активизация законодательства, то есть необходимы усилия по реформированию системы правосудия. Это правосудие, которое, как ожидается, будет формой правосудия, способной согласовывать пропорционально и справедливо формальные и неформальные аспекты (чаяния и социальные потребности) в механизмах, соображениях и решениях, совместимых с сообществом.

Право на самом деле преследует 3 (три) цели, а именно правовую определенность, целесообразность и справедливость. Достижение этих трех целей требует процесса, который происходит в подсистемах права, которые, среди прочего, упоминаются Л. М. Фридманом, — это юридическая сущность, правовая структура и правовая культура. Нормативно-правовые акты, которые становятся эталоном в правовой системе России, включают Уголовный кодекс РФ (далее — Уголовный кодекс) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — Уголовно-процессуальный кодекс) и другие законодательные нормы, которые являются *lex specialis* Уголовного кодекса, вклю-

чающие Постановления Пленума ВС РФ, а также Федеральные законы, определяющие деятельность правоохранительных органов и отдельные общественные отношения, подлежащие охране.

Роско Паунд заключает, что закон — это инструмент социальной инженерии. Предполагается, что закон может направлять социальные изменения. Некоторые версии этой идеи лежат в основе большинства существующих законов. В зарубежных странах придерживаются этой идеи. Закон считается средством обновления общества. Даже судебная система направлена на осуществление запланированных социальных изменений. В, частности, в законодательстве Индонезии, государственная юстиция устанавливается как судебный орган, который действует во всех регионах Республики Индонезия. Социальное право в уголовном праве, это не только унификация справедливости, но она призвана передать развитие и применение права государству.

По словам Кэтрин Джозеф, судебная система фактически основана на идеологической и политической мысли, особенно в контексте формата унитарного государства. Если рассматривать различные постановления, касающиеся судебной системы, государственное правосудие — это судебная система, легитимность которой опирается на силу национальной легитимности государства, а не на силу местной культурной легитимности [2].

В контексте плюралистического и неоднородного общества зарубежных стран легко представить, что государственный институт правосудия, опирающийся на легитимность государства, будет сталкиваться с различными местными законами от одного сообщества к другому. Эта ситуация, безусловно, повлияет на существование государственных судов, которые будут использоваться в качестве институтов для разрешения споров населением. Кроме того, фактор различия легитимности (государственной и культурной) будет определять модель разрешения споров в обществе, а именно урегулирование через суд или вне суда [10].

Изменения и динамика общества, которые, с одной стороны, являются чрезвычайно сложными, а с другой стороны, в отношении регулирования законодательства как частичной законодательной политики, оказывается, что публичный характер уголовного права меняется по своему характеру, поскольку он также относительно пе-

реходит в частный сектор (практику уголовной медиации) как альтернативную форму разрешения дела вне суда [2]. При анализе с точки зрения терминологии уголовная медиация известна как медиация, используемая в уголовных делах, посредничество потерпевших и преступников, договоренность нарушителей с потерпевшими, именуемое в Голандии как *strafbemiddelin*, в Германии как *der AuBergerichtliche Tatausgleich*, во Франции как *de mediation penale*. По сути, уголовная медиация — это альтернативная форма разрешения споров вне суда (АСР), которая обычно применяется к гражданским делам. В частности, в Индонезии АСР регулируется Законом № 30 от 1999 г. об арбитраже и альтернативном разрешении споров. Принятию данного закона поспособствовали общественные объединения, продвигающие метод АСР, в том числе Национальный арбитражный совет Индонезии (BANI), который фокусируется на мире торговли и ADR при урегулировании споров о строительных услугах (Закон № 18 от 1999 г. и Закон № 29 от 2000 г. ПП № 29 от 2000 г.) с гражданской юрисдикцией. Аналогичным образом АСР также известен в отношении авторского права и интеллектуальной работы, труда, деловой конкуренции, защиты потребителей, окружающей среды и других сфер.

Согласно действующему в Индонезии позитивному праву, уголовные дела не могут быть урегулированы во внесудебном порядке, хотя в некоторых случаях можно урегулировать дела вне суда. Однако правоприменительная практика в Индонезии часто также связана с уголовными делами, которые разрешаются вне суда по усмотрению сотрудников правоохранительных органов, мирных механизмов, учреждений Адат и так далее. Последствия практики разрешения дел вне суда все это время действительно заключаются в отсутствии формальной правовой основы, поэтому неформальное урегулирование также является обычным явлением, когда неформальное урегулирование осуществляется через механизм обычного права, но он по-прежнему рассматривается в суде в соответствии с действующим законодательством.

Как следствие, существование посредничества по уголовным делам все чаще применяется в качестве альтернативы урегулирования дел в области уголовного права посредством реституции в уголовном судопроизводстве, что показывает, что различия между уголовным и

гражданским правом не так велики, а различия становятся дисфункциональными [9].

Существование урегулирования дел вне суда через посредничество — это новое измерение, рассматриваемое с теоретических и практических аспектов. Судя по практическому аспекту, посредничество в уголовном процессе будет коррелировать с достижением мира справедливости. С течением времени этот день изо дня в день увеличивающийся объем дел во всех формах и вариациях, которые поступают в суд, и вытекающие из них последствия становятся бременем для суда при рассмотрении и разрешении дел в соответствии с принципом «простого, быстрого и экономичного правосудия «без ущерба для достижения судебных целей, а именно правовой определенности, целесообразности и справедливости. Мудзаккир предложил несколько категорий в качестве критериев и объема дел, которые могут быть разрешены вне суда посредством медиации, следующим образом:

1. Нарушения уголовного законодательства относятся к категории жалоб, как жалобы абсолютные и относительные.

2. Нарушение уголовного закона карается уголовным штрафом в качестве уголовного наказания, и нарушитель уплатил уголовный штраф.

3. Нарушения уголовного законодательства относятся к категории небольшой тяжести, в некоторых правовых системах, они обозначаются как правонарушения, проступки или незначительные преступления, по которым могут быть назначены только уголовные штрафы.

4. Нарушения уголовного права включают уголовные деяния в области административного права, в котором уголовные санкции рассматриваются как крайнее средство правовой защиты.

5. Нарушения уголовного законодательства подразделяются на легкие и правоохранительные и у должностных лиц есть право использовать свои полномочия по своему усмотрению согласно закону.

6. Нарушения уголовного права, которые относятся к категории нарушений обычного права, которые решаются через традиционные институты.

В дополнение к вышеупомянутым аспектам, существование уголовного посредничества может быть оценено с философской, социологической и юридической точек зрения. С философской точки зрения существование

посредничества при назначении уголовного наказания содержит принцип применения «беспроегрышного» решения, а не заканчиваясь ситуацией «проигрыш-проигрыш» или «выигрыш-проигрыш», как того требует судебная система при реализации формального правосудия через судебный процесс (правоохранительный процесс) [3]. Благодаря процессу посредничества в наказаниях высшая точка правосудия достигается благодаря соглашению сторон, участвующих в уголовном деле, а именно между преступником и жертвой. Ожидается, что жертвы и преступники найдут и найдут наилучшие решения и альтернативы для разрешения дела. Последствиями применения уголовной медиации будет то, что преступники и жертвы могут обговорить компенсацию, предложенную, согласованную между ними вместе, чтобы достигнутые решения были «беспроегрышными». Кроме того, при посредничестве это наказание будет иметь положительные последствия, поскольку с философской точки зрения достижение справедливости осуществляется быстро, просто и с низкими затратами, поскольку вовлеченных сторон относительно меньше, чем в судебном процессе с элементами системы уголовного правосудия [7].

Согласно социологической точке зрения, этот аспект ориентирован на общество, культурные корни которого ориентированы на семейные культурные ценности, выдвигая принцип консенсусного согласия для разрешения спора в социальной системе. Строго говоря, эти аспекты разрешаются через измерение местной мудрости обычного права. Из истории права можно увидеть, что первый применимый закон, отражающий правовую осведомленность народа стран англосаксонской системы права, — это местная мудрость обычного права [8]. В течение долгого времени обычное право, как правовая норма вместе с другими социальными нормами и нормами религиозного права играло роль средства общественного контроля. Логическим следствием того, что в качестве инструмента социального контроля, является то, что местная мудрость обычного права рождается, растет и развивается в социальной системе.

Затем, если рассматривать с юридической точки зрения, медиация уголовного наказания в измерении государственного права (*ius constitutum*) на самом деле еще недостаточно известна и все еще вызывает споры среди тех,

кто согласен и не согласен с его применением. Данный вопрос ведет к выбору модели разрешения уголовных споров, относящихся к сфере превосходства государственного механизма правосудия над частным разрешением споров. Интересно, что в некоторых государствах институт медиации фактически применялся без закрепления его в законе. Так, практика посредничества в назначении наказаний применялась индонезийским народом, и урегулирование данных вопросов производилось вне суда, например, через механизм институтов адата.

В частности, посредничество в рамках закона регулируется письмом начальника полиции № Pol: B / 3022 / XII / 2009 / SDEOPS от 14 декабря 2009 г. о рассмотрении дел посредством альтернативного разрешения споров и Постановлением главы Национальной полиции Индонезии № 7 от 2008 г., касающегося Основных руководящих принципов стратегии и осуществления общественной полиции при выполнении обязанностей Полри. По сути, регулирование касается ведения уголовных дел с использованием АРС с характером небольших материальных убытков, согласованных сторонами, осуществляемых на основе принципа консенсусного соглашения, осуществляемых с соблюдением социальных / обычных норм и принципов справедливости, и, если достигнутое посредством АРС не затрагивают иные общественные отношения.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. При рассмотрении уголовных дел посредством уголовной медиации должен быть определен принцип работы, который должен быть основой при реализации уголовной медиации. При рассмотрении дел посредством медиации меры, осуществляемые правоохранительными органами, медиаторами и сторонами уголовного процесса должны соответствовать следующим принципам:

1. Позиция правоохранительных органов при проведении медиации заключается в посредничестве между информатором и его семьей, заявителем и его семьей. Их задача заключается в том, чтобы обеспечить посреднику возможность донести до потерпевшего, так и заявителя, что можно разрешить уголовное дело не в строгих правовых рамках, что займет большее количество времени, и побудить их к участию в процессе коммуникации.

2. Процессуально ориентированное, уголовное посредничество должно быть больше

ориентировано на качество процесса, а не на результат, тем самым виновное лицо должно понять характер противоправности его деяния.

3. Уголовная медиация должна представлять собой неформальный процесс, а не бюрократический, который по своей природе и позволит избежать строгих юридических процедур.

В свою очередь, положительный эффект может иметь имплементация механизма медиации применительно к следующим институтам уголовно-процессуального и уголовного права Российской Федерации:

- институт прекращения уголовного дела о

преступлении небольшой или средней тяжести в связи с примирением сторон;

- институт прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием;
- институт смягчения виновному наказания в связи с примирением или деятельным раскаянием;
- институт прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности при возмещении ущерба, причиненного данным преступлением (частично, с определенными оговорками и изъятиями).

Библиографический список

1. *Achmad Ali*. 1996. *Menguak Tabir Hukum (Suatu Kajian Filosofis dan Sosiologis)*. Jakarta: Chandra Pratama. pp. 55–71.
2. *Hofinger, V., Pelikan, C., Zetinigg, B.* (2003) *Victim – Offender Mediation with Juveniles in Austria*. Bologna: IRSIG-CNR.
3. *Joseph, K. L.* (1996) *Victim-Offender Mediation: What Social & Political Factors Will Affect Its Development?* *Ohio State Journal on Dispute Resolution*, 1, pp. 207–221.
4. *Klarman, A.* (2005) *Mediacja i porozumienie się stron a korzyści psychologiczne dla jej uczestników*. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Przegląd Prawa i Administracji*, LXXII, pp. 169–178.
5. *Kuczyńska, H.* (2009) *Rzetelny proces karny w prawie UE oraz orzecznictwie ETS*. In: P. Wiliński (ed.) *Rzetelny proces karny w orzecznictwie sądów polskich i międzynarodowych*. Warszawa: Wolters Kluwer Polska, pp. 151–180.
6. *Kulesza, C.* (1995a) *Mediacja a system wymiaru sprawiedliwości (szanse, ograniczenia, zagrożenia)*. *Państwo i Prawo*, 12, pp. 43–57.
7. *Kulesza, C.* (1995b) *Rola pokrzywdzonego w procesie karnym w świetle ustawodawstwa i praktyki procesowej wybranych krajów zachodnich*. Białystok: Temida 2.
8. *Kulesza, C., Kuźelewski, D.* (2009) *Efektywność mediacji w procesie karnym w perspektywie prawoporównawczej*. In: L. Mazowiecka (ed.) *Mediacja*. Warszawa: Wolters Kluwer Polska, pp. 116–145.
9. *Liebmann, M., Masters, G.* (2000) *Victim – Offender Mediation in the UK*. In: *Victim – Offender Mediation in Europe. Making Restorative Justice Work*. Leuven: Leuven University Press, pp. 337–369.
10. *Marshall, T.F.* (1996) *Criminal Mediation in Great Britain 1980–1996*. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 4, pp. 21–43.
11. *Meier, B.D.* (1999) *Sprawiedliwość naprawcza – zarys koncepcji*. In: B. Czarnecka-Działuk, D. Wójcik (eds.) *Mediacja. Nieletni przestępca i ich ofiary*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza, pp. 39–55.
12. *Mesaros, D.P.* (1985) *The Oklahoma Department of Corrections: Assisting Crime Victims Through Post-Conviction Mediation*. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*, 1, pp. 331–342.

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ НА ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 **Ревина С. Н.**

доктор юридических наук, профессор

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

© 2021 **Кузьмина И. Ю.**

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

В статье рассматриваются вопросы влияния правовой культуры и правосознания на правотворческий процесс в Российской Федерации. Именно от уровня развития правовой культуры и правосознания зависит качество правотворческого процесса, а значит и качество правовой системы в целом.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, правотворческий процесс, правовая идеология, правовая позиция.

Правотворческий процесс в России развивается достаточно сложно. Важной задачей является формирование общей концепции правотворчества в государстве с учетом особенностей правовой культуры и правового сознания.

Избыточность и несогласованность являются двумя основными проблемами современной правовой системы России.

В таких условиях правила экономического и политического взаимодействия меняются, правосознание становится основным фактором, который может поддержать правопорядок либо породить хаос.

Понятие правосознание условно можно разделить на две категории «сознание» и «право». Правосознание является элементом индивидуального и общественного сознания, объект которого законодательство в целом, отдельные нормативные акты, права и обязанности личности и т.д. Под правосознанием стоит понимать систему чувств, эмоций, взглядов, оценок, установок и иных проявлений, которые выражают отношение личности как к действующему праву, так и к юридическим категориям.

Правовая идеология представляет собой систему взглядов и представлений, отражающих правовые явления общественной жизни, т.е. теории, научные идеи. Правовая психология, является совокупностью всех психоэмоциональных качеств человека по отношению к праву, системе права, действующая в обществе.

Правосознание занимает первостепенное значение в современных условиях, так как нормативно-правовое поле не сформировано до

конца. Так, В.М. Сырых отмечает, что право начинает действовать только тогда, когда находится в тесной взаимосвязи с правосознанием, т.е. без правосознания право не будет реализовано. Оно формируется в тот момент, когда индивид выделен из общности. Зарождение самосознания происходит в момент индивидуализации собственности, противостоящий коллективным формам социально-экономического бытия.

Исследователи в области теории государства и права рассматривают данные категории через социально-экономические факторы. Так по мнению, С.С. Алексеева, право это инструмент регулирования общественных отношений, через который происходит волеизъявление индивида. При этом, по своему содержанию данные категории не совпадают, так как право является более широким понятием.

Правосознание выступает единой системой, в которую входят правовые нормы, идеология, психология, правовая теория и другие формы реализации. Проблема в области сопоставления права и правосознания зависит от правосознания того или иного исследователя по представленному вопросу. К примеру, все правовые школы рассматривают данное соотношение в зависимости от различных аспектов (социально-правовой жизни общества или человека).

По нашему мнению, право и правосознание являются неразрывными категориями. Право является необходимым материалом для правосознания. От правовой деятельности, норм и отношений зависит содержание правосознания. При это правосознание является каналом реали-

зации права. Именно вне правосознания немислимо ни создание, ни реализация права. Представленные категории являются отношениями, практическое применение которых зависит от воли и сознания субъекта. Стоит отметить, что без определенного уровня правосознания субъекта, право не сможет действовать как общественный регулятор. Право и правоотношения всегда возникают в процессе правосознания. Оно является духовным образованием, так как образуется именно в процессе духовной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что правосознание является самостоятельным явлением, которое лежит в основе правовой системы. Правосознание формирует установки общества, которые изначально были отражением идей о справедливости, равенстве и т.д.

Одним из субъектов правосознания является общество. Общественное правосознание является системой взглядов и идей, в конкретном обществе. Оно находит свое отражение в законодательных актах, и иных юридических нормах. Именно так, по нашему мнению, и сформировались различные группы правовых систем (романо-германская, англо-саксонская и т.д.)

Правосознание непосредственно конкретизируется в различных социальных общностях. Групповое правосознание — это коллективное представление о праве, и деятельности в сфере правового регулирования, которое отражает отношение общности к правовым явлениям. В России при правотворческом процессе применяется именно групповое и общественное правосознание.

Для того, чтобы удовлетворить потребности в сфере правотворчества необходимо реализовать субъективные права и юридическое обязанности, которые создают правовые эмоции. Именно правовые эмоции являются важным элементом формирования правовой реальности.

Отметим, сущность правосознания заключается в сильной правовой воле. Ее целью выступает принятие и реализация качественных нормативно-правовых актов. Правовая воля — это регулятор поведения субъекта правоотношения.

В современных условиях, по мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, научное правосознание имеет ведущую роль в указании путей развития права, законодательства, и политико-

конституционных отношений [3].

Еще одним элементом, который оказывает влияние на правотворческий процесс в государстве является правовая культура. Правовая культура является материально-духовным порядком, который ориентирован государством и обществом на формирование и развитие политического и правового сознания граждан, их ценностей и ориентаций. Основной целью правовой культуры является прогрессивное развитие правосознание всего общества в целом, а также государства.

На протяжении своего развития правовая культура постоянно претерпевала изменения и совершенствовалась. Взаимосвязь и взаимодействие правовой культуры с нравственностью и моралью в определённой мере способствует обеспечению законности и укреплению государственности.

Основными направлениями повышения уровня правовой культуры являются устранение юридической безграмотности и правового нигилизма. Исследование уровня правосознания в государстве также требует учитывать состояние нормативно-правовых актов. Это дает возможность говорить об уровне правосознания государства и общества в целом.

Уровень правотворческой деятельности зависит от согласованности нормативно-правовых актов, правовой культуры и юридических текстов. Степень правореализующей культуры зависит от профессионального знания законодательства должностными лицами государственных органов. Благодаря правовой культуре в государстве есть не только свобода слова, но и подчиненность общества правопорядку, и понимание необходимости и важности соблюдения правовых норм. Правосознание регулирует жизнедеятельность общества, объединяет различные социальные группы, обеспечивает правопорядок в государстве и обществе. Правопорядок является основой для укрепления государства в целом [6].

Правовая среда оказывает влияние на формирование правовой культуры и правосознания, так как она включает в себя социально-экономические, политико-правовые, духовные и иные условия жизнедеятельности государства и общества.

Центральное место в правовой культуре занимает уровень развития системы юридических актов. Все юридические акты должны

быть правовыми и соответствовать принципам справедливости, равенства и свободы. От развитого государственного аппарата зависит повышение уровня правовой культуры. В данном случае правовая культура оказывает большое влияние на правотворческий процесс. Качество правотворческого процесса находится в прямой зависимости от уровня правовой культуры, и правосознания законодателя.

Без постоянного повышения степени правовой культуры нельзя достичь цели правотворчества и правоприменения. Именно со стороны государства должна исходить большая заинтересованность в развитии правовой культуры и правосознания в целом. Государство должно проводить активную пропаганду соблюдения

норм права, способствовать развитию у граждан правовых знаний, поддерживать и развивать юридические науки, совершенствовать систему правовых актов. В частности, повышение уровня правовой культуры должно начинаться прежде всего с обучения обычных граждан всех возрастов, их правового просвещения и правового воспитания.

Для совершенствования правотворческого процесса, возможно, необходимо принять нормативный акт, который бы регламентировал правотворческий процесс в целом. Такой закон можно было бы назвать «О правотворчестве в Российской Федерации». Принятие подобного нормативно-правового акта смогло бы заметно повысить качество правотворческого процесса.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Государство и право. — М., 2015. — 152 с.
2. *Баранов П. П.* Правовое регулирование правотворчества в субъектах РФ // Северо-Кавказский юридический вестник, 2016. № 1. С. 10–15.
3. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. — М., 2020. — 528 с.
4. *Сырых В. М.* Теория государства и права. — М., 2019. — 930 с.
5. *Румянцев М. Б.* Правотворчество в Российской Федерации: монография / М. Б. Румянцев. — Чебоксары: ИД «Среда», 2019. — 324 с.
6. *Усманова Е. Ф.* Задачи правовой культуры и ее роль в правотворческой и правоприменительной деятельности // Мир науки и образования, 2015. № 2. С. 2–7.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ СПОРОВ ИЗ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

© 2021 Скачкова Ольга Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

© 2021 Карапетян Аида Артаковна

магистрант

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

В данной статье на основе анализа гражданского законодательства и научной литературы было заключено, что договор строительного подряда представляет собой практически самый часто встречающийся гражданско-правовой договор. При этом его значение для гражданского оборота трудно переоценить, поскольку он охватывает широкий круг отношений непосредственно в сфере производства. В этой связи закономерно большое число судебных дел в пределах правоотношений данной области. В рамках исследования анализируется судебная практика в данной области. Вследствие чего отмечается, что взаимоотношения сторон изучаемого договора в действительности в большинстве случаев являются трудными и разнообразными, что обуславливает чрезвычайное многообразие судебных споров в этой области.

Ключевые слова: договор подряда, договор строительного подряда, спор, арбитражное судопроизводство.

Многообразие видов хозяйственно-экономических отношений существующих в современном мире обуславливает необходимость в большом наборе гражданско-правовых договоров их регулирующих*. Среди прочих договоров гражданско-правового характера, регламентирующих отношения в данной области значимую позицию получил подрядный, а особенно одна из его разновидностей — договор строительного подряда. В этой связи закономерно большое число судебных дел в пределах правоотношений данной области.

В действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)** законодателем дано легальное определение рассматриваемого гражданско-правового договора. Так, согласно положениям ст. 740 указанного нормативного акта в рамках рассматриваемого договора на сторону, именуемую подрядчиком, возлагается обязанность в определенный договором временной промежуток произвести

строительство по указанию стороны, именуемой заказчиком, конкретного объекта или исполнить другие работы в области строительства. На сторону, именуемую заказчиком, в свою очередь, возлагаются обязанности по организации для стороны, именуемой подрядчиком, требуемой для исполнения работы обстановки, а также приему их итогов и выплате в пользу стороны, именуемой подрядчиком, конкретной денежной суммы.

Своеобразный предмет исследуемого договора, а также значительное количество возможных участников, крупные расходы в денежном эквиваленте, большой временной промежуток исполнения работы и прочие факторы становятся причиной того, что взаимоотношения сторон изучаемого договора в действительности в большинстве случаев являются трудными и разнообразными***. Следовательно, и судебные разбирательства, неминуемо образующиеся между сторонами рассматриваемого договора в

* Ланг П. П. Ценностное измерение правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2018. № 121. С. 20–24; Ланг П. П. Особые производства в юрисдикционном процессе: деятельностное основание // Актуальные проблемы правоведения. 2019. № 4(64). С. 60–68.

** Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996 г. № 5. Ст. 410.

*** См.: Гринштейн А. И. К вопросу о содержании договора подряда по законодательству Российской Федерации // Эпомен. 2020. № 44. С. 93.

процессе выполнения обязательств в данной области также чрезвычайно разнообразны.

На основе анализа судебной практики нами была разработана классификация распространенных судебных разбирательств по вопросам исследуемой области.

1. Первой категорией споров возникающих из исследуемых договоров, наиболее часто встречающихся в судебной практике, являются споры, образующиеся связи с нарушением условий, являющихся существенными для рассматриваемого договора.

Ранее нами было отмечено, что в с. 740 ГК РФ законодатель дал легальное определение рассматриваемому договору. Исходя из анализа данного определения, существенным условием исследуемого договора является срок. Значимость данного условия неоспорима, так как очевидно, что для стороны данного договора, именуемой заказчиком, важно исполнение работы не в принципе, а к конкретному времени. Для целей исследуемого договора обычно выделяют две группы сроков, к первой причисляют время, когда началось осуществление работ, а ко второй время, когда они были закончены.

Неуказание данного условия, являющегося существенным, в тексте договора строительного подряда, а равно его определение ненадлежащим образом становится причиной признания исследуемого договора обладающим всеми признаками договора который не был заключен в соответствии с положениями ст. 432 ГК РФ.

В частности, стороне заказчика судом было отказано в исковых требованиях в отношении стороны подрядчика, по причине неуказания в тексте договора сроков в которые осуществление работ должно начаться и окончиться, поскольку данный договор в соответствии с гражданским законодательством обладает всеми признаками договора, который не был заключен*.

Длительность срока для целей исследуемого договора устанавливается по согласованию его сторон. В настоящее время действующим гражданским законодательством не предусмотрены особые правила, в соответствии с которыми устанавливались бы наименьший и предельный сроки, в которые необходимо исполнить работы, обозначенные в договоре.

При этом важно отметить, что установлен-

ные гражданским законодательством правила оформления исследуемого существенного условия в тексте договора строительного подряда подразумевают, что сроки необходимо либо установить в качестве конкретных дат либо связать с определенным событием, которое в любом случае совершится. К примеру, в своем решении суд отметил, что одно из существенных условий исследуемого договора в его тексте звучит как: «через неделю после выплаты суммы аванса стороной заказчика в отношении стороны подрядчика».

По мнению суда, установление исследуемого существенного условия произошло в связи указанным событием, что противоречит положениям гражданского законодательства, а именно нет оснований полагать, что аванс будет уплачен неизбежно. По этой причине, ввиду отсутствия одного из существенных условий, договор был признан судом договором, который не был заключен**.

2. Второй категорией распространенных судебных споров в исследуемой области являются разбирательства, сопряженные с неправильным осуществлением процесса приема итогов исполненных работ и пренебрежением правилами его фиксации.

Заметим, что значимым для правильной реализации указанного процесса является установление лиц, в компетенции которых его осуществление. В частности в ситуациях, когда к нему причастна сторонняя компания.

Вдобавок необходимо отметить, что немаловажным в данной ситуации является правильное составление документации. В частности неправомерным является оформление документации одной из сторон без участия другой стороны, поскольку в соответствии с гражданским законодательством обе стороны должны заверить своими подписями документацию.

В качестве примера рассмотрим следующую ситуацию. Субподрядчик оформил приемочную документацию самостоятельно и решением суда такие документы были признаны ненадлежащей доказательственной информацией, поскольку они были составлены без учета принятых в договоре правил, а именно генеральный подрядчик не был должным образом извещен о том, что начался процесс приема итогов работы

* Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.05.2011 № 09АП-9402/2011 по делу № А40-25488/10-45-169.

** Постановление ФАС Уральского округа от 15.11.2005 № Ф09-3716/05-С4 по делу № А60-9886/2005.

и, находившийся там при этом, представитель сторонней компании не обладал необходимой компетенцией для реализации деятельности по приему итогов исполненных работ и контроля за оформлением документации*.

Исходя из изложенного, можно заключить, что для участия сторонней компании в указанных процессах требуется конкретно определить ее компетенцию и зафиксировать ее в тексте исследуемого договора. В противном случае завершение документации подписями ее представителей не несет правовых последствий.

Нередкими в практической деятельности являются ситуации несвоевременного приема исполненных работ со стороны заказчика. Так согласно положениям гражданского законодательства на указанную сторону исследуемого договора возложена обязанность по незамедлительному принятию итогов работ сразу после уведомления об их исполнении со стороны подрядчика.

Как нами было отмечено ранее, приемочная документация должна быть заверенная подписями всех сторон исследуемого договора. При этом анализ судебной практики показал, что в ситуациях, когда сообщение об исполнении работ со стороны подрядчика было направлено, а со стороны заказчика возложенная обязанность по принятию ее итогов исполнена не была, первый получает возможность оформить приемочную документацию без участия последних**.

Указанное особенно важно в связи с тем, что только наличие приемочной документации может свидетельствовать о том, что работы в рамках исследуемого договора были исполнены. Так судом не были удовлетворены требования направленные на взыскание со стороны заказчика долга за исполненные работы по причине непредставления приемочной документации. В своем решении суд отметил, что события, подтверждаемые в силу положений законодательства конкретными документами, нельзя обосновать другой доказательственной информацией, в частности заключением эксперта***.

3. Также к часто встречающимся в судебной практике спорам, вытекающим из договора подряда можно отнести разбирательства, сопря-

женные с ненадлежащим исполнением возложенных на стороны исследуемого договора обязанностей.

Так согласно положениям гражданского законодательства в тексте исследуемого договора необходимо обозначить на какую из сторон возложена обязанность по предоставлению требуемых для осуществления деятельности документов технического характера, а также, в течение какого времени она должна быть исполнена. В ситуациях, когда данная обязанность должна была быть реализована стороной заказчика, но этого не последовало, в случае обращения в суд стороне заказчика отказывают в удовлетворении требований о взыскании со стороны подрядчика убытков величиной, требуемой для нейтрализации осуществленных стороной подрядчика ошибок.

Вдобавок, гражданское законодательство предусматривает обязанность стороны подрядчика выполнять свою деятельность строго согласно документации технического характера, в частности устанавливающей количество и содержание работ и иные обязательные для них условия, а также документации, устанавливающей необходимые денежные затраты на выполнение работ. В ситуациях, когда сторона подрядчика приступила к исполнению работ в рамках исследуемого договора, не имея соответствующей технической документации, сторона заказчика имеет право предъявить требования о возвращении сумм, переданных в виде предварительной оплаты****.

Таким образом, в ситуациях, когда стороной заказчика не были реализованы возложенные исследуемым договором обязанности, противной стороне тоже не следует начинать исполнять свои обязанности.

Основной обязанностью, возложенной на подрядчика, является исполнение определенной работы. При этом она исполняется в соответствии с указаниями противной стороны, а именно согласно тому, что было прямо указано в заключенном договоре и иных сопутствующих ему документах. При этом важно, что подрядчик должен не просто исполнить свою основную обязанность, а исполнить ее высококачествен-

* Определение ВАС РФ от 06.07.2011 № ВАС-7913/11 по делу № А24-2273/2010.

** Постановление ФАС Московского округа от 02.09.2005 № КГ-А41/8168-05

*** Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14.07.2005 № А29-3689/2004-4э.

**** Постановление ФАС Московского округа от 25.08.2005 № КГ-А40/8115-05.

но, руководствуясь стандартами в данной сфере, установленными государством, а также утвержденными нормами и правилами в области строительства. В ситуациях, когда стороной подрядчика указанная обязанность не была выполнена, что доказывается экспертным заключением, сторона заказчика имеет право на свое усмотрение предъявить одно из следующих требований: по ликвидации недочетов без дополнительной оплаты в разумный временной промежуток; по компенсации понесенных денежных затрат в результате самостоятельной ликвидации заказчиком недочетов, в ситуациях, когда он наделен таким правом в соответствии с договором. В случае, если обнаруженные недочеты не были ликвидированы, сторона заказчика наделена правом отказа выполнения обязательств по договору, а также требования компенсации понесенных денежных потерь*.

4. Еще одной категорией споров вытекающих из договоров строительного подряда, рассматриваемых арбитражными судами, достаточно часто встречающихся в судебной практике, являются разбирательства компаний, занимающихся строительством, и налоговых органов по проблемам в сфере финансов.

Так наиболее часто встречающиеся разбирательства рассматриваемой категории образуются в процессе использования вычетов НДС либо возмещении НДС. Так проведенный анализ

судебной практики показал, что нередко организации, занимающиеся строительством, получают от налоговых органов неправомерные отказы в этой сфере. При этом важно отметить, что чаще всего споры разрешаются в пользу строительных организаций.

На сегодняшний день получило широкое распространение создание различных строительных объектов для личных потребностей и своими усилиями. В этой связи образуются сложности с определением правил, по которым необходимо осуществлять процесс налогообложения относительно строительных организаций, занимающихся указанной деятельностью**. В частности, возникает вопрос о том, когда возможен вычет налогов.

Рассмотрим следующий пример. В своем решении суд указал, что компания занимающаяся строительством, в данной ситуации одновременно является и стороной заказчика и стороной подрядчика по договору и потому, в соответствии с положениями налогового законодательства обладает правом применения налогового вычета только после завершения строительных работ***.

Таким образом, на основе проведенного анализа судебной практики по разрешению спорных вопросов в исследуемой области можно сделать вывод, что чаще всего они образуются из-за неправильного оформления текста договора.

Библиографический список

1. Ланг П. П. Ценностное измерение правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2018. № 121. С. 20–24.
2. Ланг П. П. Особые производства в юрисдикционном процессе: деятельностное основание // Актуальные проблемы правоповедения. 2019. № 4(64). С. 60–68.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996 г. № 5. Ст. 410.
4. Гринштейн А. И. К вопросу о содержании договора подряда по законодательству Российской Федерации // Эпомен. 2020. № 44. С. 92–98.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.05.2011 № 09АП-9402/2011 по делу № А40-25488/10-45-169.
6. Постановление ФАС Уральского округа от 15.11.2005 № Ф09-3716/05-С4 по делу № А60-9886/2005.
7. Определение ВАС РФ от 06.07.2011 № ВАС-7913/11 по делу № А24-2273/2010.

* См.: Абрамцева Е. Л. Договор подряда в гражданском праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 52.

** Ланг П. П. Правила тонкой капитализации Налогового кодекса Российской Федерации // Юриспруденция в современном мире: проблемы и перспективы: сборник научных трудов подготовленный по материалам общероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 15 января 2015 года. — Тамбов: Тамбовский филиал Негосударственного образовательного частного учреждения высшего профессионального образования «Академический правовой институт», 2015. С. 130–133.

*** Постановление ФАС Центрального округа от 23.05.2008 по делу № А23-557/07Г-19-70.

8. Постановление ФАС Московского округа от 02.09.2005 № КГ-А41/8168-05.
9. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14.07.2005 № А29-3689/2004-4э.
10. Постановление ФАС Московского округа от 25.08.2005 № КГ-А40/8115-05.
11. *Абрамцева Е. Л.* Договор подряда в гражданском праве России: дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. — 160 с.
12. *Ланг П. П.* Правила тонкой капитализации Налогового кодекса Российской Федерации // Юриспруденция в современном мире: проблемы и перспективы: сборник научных трудов подготовленный по материалам общероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 15 января 2015 года. — Тамбов: Тамбовский филиал Негосударственного образовательного частного учреждения высшего профессионального образования «Академический правовой институт», 2015. С. 130–133.
13. Постановление ФАС Центрального округа от 23.05.2008 по делу № А23-557/07Г-19-70.

ЗАРАЖЕНИЕ ДРУГОГО ЛИЦА ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ ВСЛЕДСТВИЕ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ СФЕРЫ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2021 **Хавжокова Залина Борисовна**

кандидат юридических наук, доцент

Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Кабардино-Балкарская Респ., Нальчик

E-mail: rado10101@rambler.ru

© 2021 **Зумакулова Зарема Ахматовна**

кандидат юридических наук, доцент

Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Кабардино-Балкарская Респ., Нальчик

E-mail: zarema.zum@mail.ru

© 2021 **Карамурзова Инна Барасбиевна**

кандидат юридических наук, доцент

Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Кабардино-Балкарская Респ., Нальчик

E-mail: 07innka@mail.ru

© 2021 **Кокова Диана Аслановна**

кандидат юридических наук, доцент

Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Кабардино-Балкарская Респ., Нальчик

E-mail: d.kokova@yandex.ru

© 2021 **Бейтуганова Залина Хажмуратовна**

старший преподаватель

Кабардино-Балкарский Государственный Университет, Кабардино-Балкарская Респ., Нальчик

E-mail: beituganova7890@gmail.com

В статье освещаются некоторые вопросы привлечения к ответственности в уголовном порядке за заражение представителем сферы медицинских услуг ВИЧ-инфекцией другого лица вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

Ключевые слова: здоровье человека, ВИЧ-инфекция, болезнь, преступление, медицинские услуги.

Неблагоприятные криминогенные изменения, низкий уровень оказания медицинской помощи и увеличивающееся количество профессиональных врачебных преступлений требуют расширения группы умышленных медицинских деяний посредством более детальной дифференциации ответственности и криминализации некоторых отступлений от профессиональных функций.

Врачи в период их обучения в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения имеют право на работу в этих учреждениях под контролем медицинского персонала, несущего ответственность за их профессиональную подготовку. Студенты высших и средних медицинских учебных заведений допускаются к участию в оказании ме-

дицинской помощи гражданам в соответствии с программами обучения под контролем медицинского персонала, несущего ответственность за их профессиональную подготовку, в порядке, устанавливаемом Министерством здравоохранения Российской Федерации. Лица, не имеющие законченного высшего медицинского или фармацевтического образования, могут быть допущены к занятию медицинской или фармацевтической деятельностью в должностях работников со средним медицинским образованием в порядке, устанавливаемом Министерством здравоохранения Российской Федерации.

В настоящее время практически все виды врачебной деятельности, в том числе и те, которые необходимы к оказанию помощи в экстренных ситуациях, внесены в перечень Минздрава

РФ, требующих обязательного наличия сертификата, однако, это не исключает ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей тем или иным представителем сферы медицинских услуг, в частности медицинским работником [1].

ВИЧ-инфекция — инфекционное заболевание человека, которое называлось СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита) до открытия его возбудителя.

Следует разграничивать понятия «ВИЧ-инфекция» и СПИД. Последний употребляется для обозначения финальной стадии ВИЧ-инфекции. На этой стадии следует говорить о заболевании СПИД (т.е. ВИЧ-инфекцией в терминальной стадии). Вирус иммунодефицита человека имеет ряд существенных особенностей: ему присуща уникальная изменчивость, варианты вирусов выделяются не только у разных людей, но и у одного и того же человека в зависимости от стадии развития и даже на одной и той же стадии в тех или иных тканях; ВИЧ встраивается в хромосомы пораженной клетки, и инфекция, таким образом, приговаривает пораженный организм к пожизненному носительству вируса; ВИЧ — единственный из регровирусов ведет к глубоким нарушениям всей иммунной системы больного; ВИЧ имеет фолизм — избирательное поражение определенной группы клеток, играющих чрезвычайно важную роль для нормального функционирования иммунной системы.

Сегодня инфекция, вызываемая вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) — ВИЧ-инфекция — рассматривается как одно из опаснейших заболеваний человека, в финале которого развивается смертельный синдром приобретенного иммунного дефицита (СПИД). В медицине термином «синдром» обозначают совокупность симптомов, объединенных единым механизмом развития. Такими общими симптомами при ВИЧ являются: нарушения иммунной системы, наличие различных сопутствующих инфекций, опухолей, высокой летальности (смертности) и др. Отметим, что под термином «иммунодефицит» понимается нарушение системы иммунитета, а под иммунитетом — состояние врожденной или приобретенной невосприимчивости организма к возбудителям инфекционных заболеваний. При ВИЧ-инфекции иммунодефицит вызывается проникновением в организм вирусов, способных не только повреждать, но и полностью блокировать иммунную систему. По-

этому заразившийся ВИЧ легко может заболеть инфекционным или раковым заболеванием. Социальное значение ВИЧ-инфекции заключается в том, что в среднем через 10–11 лет после заражения ВИЧ неизбежно наступает гибель инфицированного. Это дает возможность утверждать, что основным непосредственным объектом в ст. 121 УК РФ выступает здоровье, дополнительным — жизнь человека, а под факультативным непосредственным объектом мы предлагаем понимать порядок осуществления профессиональной деятельности.

Объективная сторона заражения другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей формулируется в соответствии с принципом материального состава. Его следует признать оконченным в момент, когда происходит фактическое заражение пострадавшего ВИЧ-инфекцией.

Ранее нами отмечалось, что СПИД является терминальной (заключительной) стадией заболевания. Ей предшествуют стадия инкубации; стадия первичных проявлений (варианты течения: бессимптомная ВИЧ-инфекция, острая ВИЧ-инфекция без вторичных заболеваний, острая ВИЧ-инфекция с вторичными заболеваниями); субклиническая стадия и, наконец, стадия вторичных заболеваний [1]. Развитие ВИЧ-инфекции в организме потерпевшего на любой из вышеперечисленных стадий признается заражением, и виновный несет уголовную ответственность по ч.2 ст. 122 УК РФ.

Свою позицию относительно содержания факультативного объекта мы аргументируем тем, что деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 122 УК РФ относится к числу преступлений, которые совершаются при осуществлении профессиональных функций с нарушением предписаний законодательства, современных требований науки и практики, положений профессиональной этики. Отсюда: совершаемое медицинским работником или иным специальным субъектом преступление посягает одновременно на здоровье человека и порядок осуществления возложенных на лицо обязанностей. Определение же второго объекта как факультативного обусловлено тем, что он закреплен только в квалифицированном составе, что, согласно уголовно-правовой доктрине, свидетельствует о его факультативном характере.

Обращаясь к анализу основного непосред-

ственного объекта, подчеркнем, что в теории уголовного права нет единства мнений относительно сущности здоровья как объекта уголовно-правовой охраны. Одни ученые (А.А.Пионтовский, Н.Д.Дурманов, Б.В.Здравомыслов и др.) рассматривают его как совокупность общественных отношений, «связь между людьми в процессе их совместной деятельности по поводу интересующих их предметов, явлений материального и нематериального мира, находящихся под охраной правовых норм» [1]. Другие авторы (например, С.Н.Таганцев, Н.И.Коржанский), придерживаясь теории интереса (блага), отмечают, что объектом преступления признаются те блага, на которые посягает преступник и которые охраняются уголовным законом. Данная позиция видится наиболее приемлемой, поскольку она позволяет рассматривать здоровье как нематериальную ценность, присущую каждому человеку с рождения, и не ставит его в зависимость от конкретных отношений, в которые вступает человек в процессе своего существования в обществе.

Представляется, что здоровье как объект уголовно-правовой охраны представляет собой нематериальное благо человека, право лица на полное физическое, душевное и социальное благополучие, имеющее абсолютный характер. Абсолютный характер предполагает, что праву лица на физическое и психическое благополучие корреспондирует обязанность всех остальных членов общества воздерживаться от действий, нарушающих это право. Это утверждение соответствует положениям российского законодательства. В частности, в п.1 ст. 150 ГК здоровье входит в перечень принадлежащих гражданину от рождения нематериальных благ.

Рассматривая проблему заражения ВИЧ-инфекцией, нельзя обойти вниманием анализ примечания к ст. 122 УК РФ. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года «О внесении изменений в УК РФ» законодатель предусмотрел примечание к статье 122 УК. В нем отмечается, что лицо, заведомо поставившее другое лицо в опасность заражения или заразившее ВИЧ-инфекцией, освобождается от уголовной ответственности в случае, если в отношении другого лица, поставленного в опасность заражения или зараженного ВИЧ-инфекцией, было сделано предупреждение о наличии этой болезни у предупредившего субъекта и другое лицо добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность зара-

жения.

Социальная обусловленность, а равно законодательная точность рассматриваемой дефиниции вызывает ряд вопросов. В частности, формулировка примечания затрудняет анализ его содержания. С одной стороны, законодатель говорит об освобождении от уголовной ответственности, и буквальное толкование нормы позволяет предположить, что речь идет о специальных правилах освобождения от уголовной ответственности (частных случаях деятельного раскаяния). С другой стороны, императивный характер нормы позволяют утверждать, что примечание к ст. 122 УК РФ представляет собой специальное обстоятельство, исключающее преступность конкретного деяния. Иными словами, рассматриваемое примечание содержит в себе специальную разновидность непреступного причинения вреда с согласия жертвы.

С этой позиции важным является следующий вопрос: «Чем руководствовался законодатель, по сути декриминализируя «убийство в рассрочку»?». Общеизвестно, что ВИЧ-инфекция на современном этапе развития медицины не излечивается и представляет собой растянутое во времени убийство.

За последние десятилетия в мире возросло не только количество новых случаев венерических заболеваний, но и увеличивалось число самих болезней. По данным экспертов ВОЗ, в настоящее время насчитывается более 20 таких заболеваний:

- классические венерические болезни: сифилис; гонорея; мягкий шанкр (шанкроид); лимфогранулема венерическая; паховая гранулема;

- другие инфекции, передающиеся половым путем:

- а) с преимущественным поражением половых органов: мочеполовой хламидиоз; мочеполовой трихомониаз; кандидозные вульвовагиниты; мочеполовой микоплазмоз; генитальный герпес; остроконечные бородавки; генитальный контактный моллюск; гарднереллезный вагинит; уrogenитальный шигеллез гомосексуалистов; лобковый педикулез; чесотка;

- б) с преимущественным поражением других органов: гепатиты В и С; цитомегалия; амелиоз (преимущественно у гомосексуалистов); лямблиоз.

Принятая Международным конгрессом Всемирной организации здравоохранения меж-

дународная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, выделяет болезни, передаваемые преимущественно половым путем [2].

Как мы можем наблюдать, постепенно в теории и на практике термин «венерические заболевания» заменяется понятием «болезни, передающиеся преимущественно половым путем». В связи с этим представляется небезосновательным вывод о необходимости замены терминологии и в уголовном законодательстве.

На общем фоне положительного влияния уголовного законодательства на укрепление и обеспечения безопасности основных благ и интересов личности, очевидно, что уголовно-правовые средства и методы охраны жизни и здоровья пациента при производстве медицинского вмешательства далеки от совершенства, и нередко случаются ситуации, влекущие тяжелые последствия для здоровья человека, такие как заражение ВИЧ-инфекцией.

Специфика деяния, которое предусматривается ч. 4 ст. 122 УК РФ, заключается субъектном составе этого преступления. Под уголовную ответственность по этой норме подпадают определенные категории медицинских работников, в частности врачи, фельдшеры, медицинские

сестры, которые, как правило, допускают случаи несоблюдения правил предосторожности при взаимодействии с ВИЧ-инфицированными больными, и как следствие, допускают заражение здоровых людей. При этом, обязательно следует установить факт совершения преступного деяния при исполнении представителем сферы медицинских услуг, в частности медицинским работником своих профессиональных обязанностей. Вина при совершении данного преступления может, по нашему мнению, выражаться как в форме умысла, так и неосторожности (только по легкомыслию).

Как известно, о типовой степени общественной опасности деяний свидетельствует много факторов, одним из них является корреляционная зависимость, то есть распространенность тех или иных преступлений в обществе.

Безусловно, государство несет ответственность за то, чтобы наилучшим образом сохранить, а также укрепить здоровье граждан. Государство обязано создавать гарантии, которые будут препятствовать появлению на рынке медицинских услуг неквалифицированных врачей и иных медицинских работников, не обладающих достаточными навыками для оказания медицинской помощи.

Библиографический список

1. Хавжокова З.Б., Зумакулова З.А., Карамурзова И.Б., Бейтуганова З.Х. Пределы правомерности причинения вреда при медицинском вмешательстве. // Вопросы экономики и права. М., 2019. С.12.
2. ВИЧ-инфекция и кожа. Учебник/ Под ред. О.Л. Иванова. М., 2002. С. 394–396.
3. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем // http://www.d5.spb.ru/dictionary/mkb_10/Mkb_10_01_Infection.htm.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИЙ И ПРОЦЕДУРА ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

© 2021 **Шукина Татьяна Владимировна**

доктор юридических наук, доцент

ведущий научный сотрудник сектора административного права и процесса

Институт государства и права РАН, Россия, Москва

E-mail: shukina-tv@mail.ru

Предметом настоящей статьи выступает исследование правового регулирования инноваций в экономической деятельности государства и влияния процедуры регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов на вышеуказанные процессы. Тема статьи отражает вопросы оценки регулирующего развития как инструмента взаимодействия государства и предпринимательского сообщества, шаблонности проведения данной процедуры. Целью настоящей статьи являются выявление особенностей процедуры оценки регулирующего развития на современном этапе социально-экономического развития, места и роли государства в этом процессе. Методологию данной работы составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы. Результаты работы — это формулирование роли и содержания процедуры оценки регулирующего развития нормативных правовых актов и инноваций. Область применения результатов работы включает в себя политику в сфере инноваций и предпринимательства.

Ключевые слова: оценочные процедуры, инновации, процедура регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, предпринимательская деятельность.

Инновации в экономической деятельности Российской Федерации связаны в настоящее время с реализацией Национальной технологической инициативы. Впервые о Национальной технологической инициативе и роли научно-технологического развития Российской Федерации было указано в Послании Президента РФ В.В.Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 года. Основой правового регулирования государственной поддержки НТР является федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». Приоритетной целью Национальной технологической инициативы выступает создание условий по присутствию Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации (Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года).

Государственная поддержка научно-технологического развития Российской Федерации осуществляется на основании Стратегии научно-технологического развития

Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. Стратегия направлена на научное и технологическое обеспечение реализации задач и национальных приоритетов Российской Федерации, определенных в документах стратегического планирования, разработанных в рамках целеполагания на федеральном уровне. Научно-технологическое развитие предполагает реализацию приоритетных направлений развития науки, техники и технологий государственной научно-технической политики, которые позволяют получить результаты и сформировать компетенции, отвечающим на большие вызовы. В ближайшие 10–15 лет приоритетами Национальной технологической инициативы следует считать направления, которые позволят получить научные и научно-технические результаты, а также создать технологии, обеспечивающие инновационное развитие для внутреннего рынка. Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» была утверждена соответствующая

государственная программа. Программа является одним из основных механизмов реализации Стратегии НТР и Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. Новая государственная программа содержит более 5 подпрограмм и 1 федеральную целевую программу («Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы»).

Формирование инновационной экономической деятельности государства обусловлено, прежде всего, качеством правотворчества. Одной из процедур, направленных на улучшение правотворчества, согласования интересов государства и предпринимателей в управлении экономической деятельностью применяется процедура оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов.

Оценка регулирующего воздействия внедрена в практику правотворческой деятельности органов государственной власти всех уровней в целях преодоления:

- несовершенной конкуренции (высокий уровень рыночной власти отдельных субъектов рынка и наличие барьеров входа на рынки);
- недостаточность информации на рынке для осуществления потребителями рационального выбора (информация отсутствует, информация некачественная, информация чрезмерно дорогая);
- высоких транзакционных издержек (включая издержки на поиски необходимой информации и издержки получения компенсации в случае недобросовестного поведения контрагента);
- недостаточного производства общественных благ.

Административные барьеры, сформированные законодательством, и связанные с высокими издержками для субъектов предпринимательской деятельности, с увеличением издержек для граждан и государства, должны быть устранены. Как правило, в большей степени подобные барьеры появляются в области требований к ведению предпринимательской деятельности, государственного контроля (надзора), налогов и неналоговых платежей, таможенного дела, безопасности процессов производства, технического регулирования и стандартизации. Могут встречаться они в таких отраслях экономической деятельности, как транспорт, промышленность,

энергетика, связь, экология, лесное и сельское хозяйство, торговля и услуги, таможенное дело. Результатами ОРВ выступает обоснованное принятие решений и подготовка качественных нормативных правовых актов, так как оно является мерой противодействию коррупции и борьбы с неэффективным законодательством.

Сферами проведения ОРВ считаются:

1) проекты нормативных правовых актов, включая проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов, принятых Государственной Думой РФ во втором чтении;

2) проекты решений Евразийской экономической комиссии;

3) проекты нормативных правовых актов субъектов РФ [1], устанавливающие новые или изменяющие ранее предусмотренные обязанности для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности, а также устанавливающие, изменяющие или отменяющие ответственность за нарушение нормативных правовых актов субъектов РФ, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности.

ОРВ не проводится в отношении:

- проектов актов, проектов решений или их отдельных положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера;
- проектов актов или проектов решений, устанавливающих требования и нормы в области использования атомной энергии и обеспечения радиационной безопасности;
- проектов актов, подготовленных на основании поручений или указаний Президента РФ или поручений Председателя Правительства РФ, в которых содержится прямое указание на необходимость их разработки в сжатые сроки (не более 10 дней);
- проектов актов, подготавливаемых в рамках реализации приоритетных проектов (программ);
- проектов актов, подготавливаемых в соответствии с планами мероприятий («дорожными картами») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы;
- проектов актов, предусматривающих изменение кодов единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза;

- проектов законов субъектов РФ, устанавливающих, изменяющих, приостанавливающих, отменяющих региональные налоги, а также налоговые ставки по федеральным налогам;

- проектов законов субъектов РФ, регулирующих бюджетные правоотношения.

Процедура оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов осуществляется на основе следующих нормативных правовых актов:

- федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»;

- методические рекомендации по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утв. приказом Минэкономразвития РФ от 26 марта 2014 г. N 159;

- постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. N 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [2];

- форма сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, утв. приказом Министерства экономического развития РФ от 27 мая 2013 г. N 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия»;

- форма заключения об оценке регулирующего воздействия, утв. приказом Министерства экономического развития РФ от 27 мая 2013 г. N 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия»;

- методика оценки регулирующего воздействия, утв. приказом Министерства экономического развития РФ от 27 мая 2013 г. N 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия,

формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия».

Суть процедуры ОРВ заключается в поэтапном, взаимосвязанном осуществлении последовательности управленческих действий:

- определить и объективно описать проблему: масштаб, последствия, вовлеченных лиц;

- оценить возможные положительные и отрицательные последствия принятия проекта акта на основе анализа проблемы;

- поставить цель регулирования: описать цели, соотнести цели с проводимой политикой;

- рассмотреть варианты нормативно-правового регулирования: описать спектр вариантов, дать краткую оценку вариантов, сузить спектр вариантов;

- детально оценить варианты: количество затрат, их качество, выгоды, избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; необоснованные расходы физических и юридических лиц, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ;

- выявить последствия: определить индикаторы, составить план мониторинга.

ОРВ проводится с учетом степени регулирующего воздействия положений, содержащихся в подготовленном разработчиком проекта акта:

1) высокая степень регулирующего воздействия — проект акта содержит:

- положения, устанавливающие ранее не предусмотренные законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующие их установлению;

- положения, приводящие к возникновению ранее не предусмотренных законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

2) средняя степень регулирующего воздействия — проект акта содержит:

- положения, изменяющие ранее предусмотренные законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и

иной экономической деятельности или способствующие их установлению;

- положения, приводящие к увеличению ранее предусмотренных законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

3) низкая степень регулирующего воздействия — проект акта не содержит вышеуказанных положений, однако подлежит оценке регулирующего воздействия.

Дифференциация проектов нормативных правовых актов по степени регулирующего воздействия устанавливает определенные различия в процедурах оценки регулирующего воздействия указанных видов актов. Так, в зависимости от степени регулирующего воздействия сокращаются сроки проведения публичного обсуждения проекта акта и сводного отчета. Для актов с высокой степенью регулирования — 20 рабочих дней, со средней степенью регулирования — 15 рабочих дней, с низкой степенью правового регулирования — 10 рабочих дней.

С низкой степенью регулирования правовые акты повторно не размещаются на сайте после внесения в них изменений для следующего раунда публичных обсуждений, не требуется дополнительных публичных консультаций с организациями при подготовке заключения. И сроки подготовки заключения в этом случае являются сокращенными. При заполнении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия в отношении акта с низкой степенью правового регулирования не требуется оформление многих разделов, например, новые функции, полномочия, обязанности и права федеральных органов исполнительной власти и других.

Отметим, что в практической деятельности, связанной с проведением ОРВ, возникает множество вопросов, касающихся заполнения сводного отчета, начиная с описания проблемы и установления степени регулирующего воздействия и завершая любыми видами оценок, перечисленных в этом документе. В связи с чем, разработчикам нормативного правового акта необходимо строго следовать требованиям, закрепленным в Методике оценки регулирующего воздействия, и обладать соответствующими компетенциями.

Оценка регулирующего развития появилась

как инструмент взаимодействия государства и предпринимательского сообщества по важнейшим вопросам предпринимательской деятельности во второй половине XX века во время проведения в зарубежных странах реформ государственного управления. Этот процесс охватил фактически все страны на всех континентах. Первыми государствами во внедрении в практику государственного управления оценки регулирующего воздействия стали Австралия, США [3], Великобритания, Нидерланды, Канада и Германия. Затем к ним присоединились Япония, Австрия, Норвегия, Венгрия, Дания, Финляндия, Швеция и Швейцария. Необходимо заметить, что, по мнению ученых, за последние 20 лет оценка регулирующего воздействия хорошо зарекомендовала себя в США, Европе, Австралии, в ряде стран Восточной Европы и СНГ, а также — в Швейцарии и Франции, где процедура ОРВ закреплена на уровне Конституций [4].

Российская Федерация стала использовать данный способ государственного регулирования позже, применяя в полном объеме нормативно-правовую регламентацию оценки регулирующего воздействия с 2012 года. Несмотря на это, оценка регулирующего воздействия получила свое широкое распространение в субъектах РФ. В 2014 году субъекты РФ, закрепившие порядок оценки регулирующего воздействия, составляли: в Поволжском федеральном округе — 93%, в Центральном и Дальневосточном федеральных округах — 89%, в Южном, Северо-западном и Уральском федеральных округах — 100%, в Северо-кавказском федеральном округе — 86% и Сибирском федеральном округе — 92%.

В этом же году количество субъектов РФ, уже применявших на практике процедуру оценки регулирующего воздействия, было несколько меньше, по сравнению с количеством субъектов РФ, осуществивших правовую регламентацию оценки регулирующего воздействия. Их число варьировалось от 43% в Северо-Кавказском федеральном округе и до 83% в Уральском федеральном округе, средний же показатель составлял 64%. Указанные статистические данные свидетельствовали о высокой готовности субъектов РФ закреплять нормативно процедуру оценки регулирующего воздействия, но в меньшей степени реализовывать ее. Отдельные субъекты РФ формировали опыт внедрения оценки регулирующего воздействия. Например, в Ульяновской области в 2014 году, по данным

мониторинга Минэкономразвития оценку регулирующего воздействия прошли 122 проекта нормативно-правовых актов, были подготовлены заключения муниципалитетов, хотя официально это требование вступило в силу только с 2016 года. Кроме того, в Ульяновской области благодаря внедрению оценки регулирующего воздействия, бизнес сэкономил в то время 600 миллионов рублей. В настоящее время лидирующее место среди субъектов Российской Федерации по реализации процедуры регулирующего воздействия также занимает Ульяновская область. В пятерку лучших регионов входили Ростовская область, Краснодарский край, Ленинградская область [5]. В 2017 году в тройку лидеров вошли Хабаровский край, Краснодарский край, Ульяновская область [6]. ОРВ 62% проектов нормативных правовых актов субъектов РФ проводится на высшем уровне. Следовательно, ситуация, касающаяся проведения ОРВ, изменилась и теперь все субъекты РФ применяют оценку регулирующего воздействия собственных проектов нормативных правовых актов и уже действующих нормативных документов.

В настоящее время актуализируются уже вопросы о качестве материалов об оценке регулирующего воздействия, о корректности и полноте составления заключений об оценке регулирующего воздействия, о некотором шаблонном подходе к реализации данной процедуры в субъектах РФ. До 2015 года субъекты РФ в обязательном порядке могли проводить оценку регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, касающихся региональных налогов и эти документы рассматривались как нормативные правовые акты высокой или средней степени регулирующего воздействия. В связи с принятием федерального закона от 30 декабря 2015 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов» ОРВ не проводится:

- проектов законов субъектов РФ, устанавливающих, изменяющих, приостанавливающих, отменяющих региональные налоги, а также налоговые ставки по федеральным налогам;
- проектов законов субъектов РФ, регулирующих бюджетные правоотношения.

Относительно проектов законов субъектов РФ, регулирующих бюджетные правоотношения,

они и до указанного времени не относились к сфере проведения оценки регулирующего воздействия. А вот проекты законов субъектов РФ о региональных налогах затрагивались процедурой ОРВ. Таким образом, с 2016 года из сферы проведения ОРВ выпала серьезная доля нормативных правовых актов с высокой и (или) средней степенью регулирующего воздействия.

О чем же свидетельствует высокая или низкая степень регулирующего воздействия нормативного правового акта или его проекта? Прежде всего, о том, что проекты нормативных правовых актов, содержат положения, устанавливающие обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и инновационной деятельности, ранее не предусмотренные законодательством РФ, субъекта РФ и иными нормативными правовыми актами (высокая степень). Например, закон субъекта РФ «О патентной системе налогообложения в субъекте Российской Федерации». Средняя степень регулирующего воздействия означает, что проекты нормативных правовых актов, содержат положения, изменяющие обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и инновационной деятельности, ранее не предусмотренные законодательством РФ, субъекта РФ и иными нормативными правовыми актами. Например, постановление правительства Свердловской области «О внесении изменений в Порядок привлечения перевозчиков к обслуживанию межмуниципальных (пригородных и междугородных) маршрутов регулярных пассажирских перевозок автомобильным транспортом, утвержденный постановлением Правительства Свердловской области от 23.08.2011 № 1117-ПП».

Проекты нормативных правовых актов с высокой и средней степенью регулирующего воздействия собственно и предназначены для изменения ситуации в конкурентной среде субъекта РФ, в объеме издержек хозяйствующих субъектов, в устранении административных барьеров. Именно эти нормативные документы могут улучшить или ухудшить жизнь предпринимателей, инвестиционный климат региона. И в этом случае предприниматели должны активно использовать предоставленное им право от государства стать равноправными социальными партнерами, участвовать в публичных консультациях, влиять на результат разработки и принятия нормативного правового акта, существен-

но влияющего на параметры их деятельности. Совместно с государством искать приемлемые пути решения экономических и социальных проблем, совершенствовать неэффективное законодательство.

В настоящее время, как правило, субъекты РФ в области предпринимательской и инвестиционной деятельности в большей части разрабатывают и издают нормативные правовые акты с низкой степенью регулирующего воздействия. Низкая степень регулирующего воздействия охватывает проекты нормативных правовых актов, которые не содержат элементов высокой или средней степени воздействия, но подлежат оценке регулирующего воздействия. По сути, указанные выше нормативные правовые акты в меньшей степени оказывают влияние на условия предпринимательства в регионе и на его инвестиционную привлекательность. И в целом представляют небольшой интерес для обсуждения в предпринимательской среде. Например, в мониторинге проведения ОРВ проектов нормативных правовых актов Липецкой области в 2016 году [7] перечислен 51 проект нормативных правовых актов, и все они отнесены разработчиком к НПА с низкой степенью регулирующего воздействия. Подобная ситуация существует во многих субъектах РФ (Московская область и другие). В 2016 году было выявлено три субъекта РФ с неудовлетворительным качеством проведения ОРВ — Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Крым.

Подобная ситуация порождает множество вопросов. Первый из них касается качества и необходимости развития законодательства в области предпринимательской деятельности региона. Получается, что субъекты РФ фактически в полном составе разрабатывают и принимают нормативные правовые акты, слабо влияющие на улучшение инвестиционной, экономической, социальной обстановки в регионе. Так сказать, «для галочки».

Второй вопрос относится уже к шаблонности проведения процедуры ОРВ. Например, вполне возможно и такое, когда во избежание длительной и требующей временных затрат полной процедуры ОРВ разработчики НПА «превращают» принимаемый документ из НПА с высокой или средней степенью регулирующего воздействия в НПА с низкой степенью регулирующего воздействия. Добавим небольшой штрих к вышеуказанным выводам. Минэкономразвития

предложило в помощь субъектам РФ в целях объективной оценки регулирующего воздействия использовать определенные методики расчета стандартных издержек субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности. Это — приказ от 22 сентября 2015 г. № 669 «Об утверждении методики оценки стандартных издержек субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающих в связи с исполнением требований регулирования». Согласно нему стандартные издержки состоят из информационных и содержательных издержек субъектов предпринимательской деятельности. Каждый вид стандартных издержек детально дифференцируются, рассчитываются и экономически обосновываются, что требует определенных временных затрат от уполномоченных органов. Эта же методика оценки может применяться при проведении процедуры оценки фактического воздействия нормативных правовых актов на предпринимательскую деятельность, которая будет внедряться и вскоре заменит оценку регулирующего воздействия.

Третий вопрос касается объективной необходимости количественного наращивания проектов нормативных правовых актов, прошедших оценку регулирующего воздействия, включая НПА с низкой степенью регулирующего воздействия. Превращение процедуры ОРВ из эффективного инструмента государственного регулирования в обычную статистическую отчетность, думается, не пойдет на пользу ни государственному бюджету, ни предпринимателям.

Относительно влияния оценки регулирующего воздействия на бюджетные доходы стоит отметить, что суть ОРВ заключается не только в уменьшении издержек субъектов предпринимательской деятельности, устранении административных барьеров, но и в сокращении избыточных расходов бюджета. Целью оценки регулирующего воздействия является выявление в проектах нормативных правовых актов положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской деятельности и бюджета РФ, субъекта РФ, муниципального образования. Процедура оценки регулирующего воздействия предназначена для оптимизации расходов и увеличения

доходной части бюджета. Согласно данным Минэкономразвития в 2016 году предпринимателями было сэкономлено от 600 млрд.рублей до 3,2 триллионов рублей [8], а в 2017 году не было допущено издержек бизнеса на сумму в 5 трлн. рублей. Соответственно пропорционально этим доходам увеличиваются доходные части бюджетов субъектов РФ. Следовательно, оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов на предпринимательскую деятельность необходима для государства, пополнения его бюджетной составляющей, оптимального решения социальных задач.

Четвертый вопрос относится к новым направлениям развития процедуры оценки регулирующего воздействия в Российской Федерации. В 2017 году в качестве приоритетных направлений в сфере ОРВ были определены следующие [9]:

- систематизация неналоговых платежей;
- оптимизация процесса подготовки НПА, обеспечение цифрового характера нормотворчества (Концепция создания электронной платформы разработки проектов НПА, позволяющая: перевести нормотворческую деятельность в цифровой формат; сократить сроки и количе-

ство процедур; интеллектуализировать процесс нормотворчества; обеспечить возможность совместной работы над документами; обеспечить полную прослеживаемость и мониторинг данных процессов; технические требования на создание электронной платформы);

- взаимодействие с Государственной Думой;
- совершенствование ОРВ (относительно субъектов малого и среднего предпринимательства, НПА в области научно-технологической инициативы и др.);
- новые методы управления (внедрение методов Scrum-менеджмента);
- систематизация, сокращение количества и актуализация обязательных требований;
- пилотное проведение ОФВ.

В последующем планируется проведение «цифровизации» нормотворческого процесса, реинжиниринга процедур оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия НПА, повышение степени участия органов государственной власти субъектов РФ в процессе нормотворчества на федеральном уровне.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статья 26.3–3.
2. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 52. Ст. 7491.
3. *Christopher D.* Can the administrative state be tamed? // *Journal of Legal Analysis*. Spring 2016: Volume 8, Number 1. P. 142–146.
4. *Беляев А.Н., Дерман Д.О., Цыганков Д.Б.* Методические подходы к мета-оцениванию качества заключений об оценке регулирующего воздействия // *Проектирование, мониторинг и оценка*. 2011. № 1.— URL: www.pmojournal.ru
5. Рейтинг регионов 2015.— URL: <http://orv.gov.ru/Regions>
6. Лучшие практики.— URL: <http://orv.gov.ru/Education?cat=67>
7. Мониторинг проведения ОРВ проектов нормативных правовых актов Липецкой области за 9 месяцев 2016 года.— URL: www.admlip.ru/activities/otsenka-reguliruyushchego-vozdeystviya/monitoring-orv/
8. ОРВ в цифрах.— URL: www.orv.gov.ru/#
9. Отчет об основных результатах работы Департамента ОРВ Минэкономразвития РФ за 2017 год- URL: www.orv.gov.ru/#

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ПРИ ВЗЫСКАНИИ НАЛОГОВ

© 2021 Кукушкин Дмитрий Сергеевич

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Россия, Москва

В российской правоприменительной практике по налоговым спорам сложилось стойкое убеждение в том, что у налоговых органов имеются чересчур широкие полномочия по использованию гражданско-правовых механизмов в целях взыскания налоговой задолженности у налогоплательщиков. Однако зачастую такое положение дел расшатывает публично-правовой порядок, поскольку институты частного права создавались в иных целях и на основании принципов, отличных от тех, которые закреплены в общих положениях налогового законодательства. Показательным примером такого некорректного использования гражданско-правовых норм в публичных правоотношениях стало использование института неосновательного обогащения в целях взыскания налоговой задолженности. Именно о неправомерности использования данного механизма речь пойдет в настоящей статье в контексте анализа Постановления Конституционного Суда РФ N 9-П от 24 марта 2017 года.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, кондиционный иск, налоговое законодательство, взыскание налоговых платежей.

В свете принятия Конституционным судом РФ Постановления N 9-П от 24 марта 2017 года* одной из дискуссионных проблем в сфере налогообложения стало положение о возможности взыскания налога путем применения института неосновательного обогащения к публичным правоотношениям по взысканию налогов.

Прежде чем перейти к обсуждению данной проблемы, необходимо определиться с самой природой института неосновательного обогащения и его назначения в действующем гражданском порядке.

Легальное определение обязательства вследствие неосновательного обогащения содержится в ст. 1102 ГК РФ и состоит из следующих условий для его применения:

- а) происходит приобретение имущества либо избавление от трат;
- б) происходит уменьшение в имущественной сфере у потерпевшего;
- в) отсутствуют основания, предусмотренные законом, иными правовыми актами или сделкой, для такого обогащения.**

Необходимо также помнить, что институт неосновательного обогащения является общей защитной мерой, которая субсидиарно применяется к иным установленным в ст. 1103 ГК РФ требованиям о возврате имущества. Условия для предъявления общего кондиционного иска, основанного на ст. 1102 ГК РФ, возникают лишь в тех случаях, когда возникшее положение неоправданного увеличения имущества одного лица за счет другого не может быть устранено с помощью иных охранительных мер, носящих специальный характер.

В цивилистике обоснованно отмечается, что кондиция подлежит применению лишь тогда, когда специальный иск потерпевшему недоступен в силу объективных причин (отсутствие оснований для применения специального иска как такового), а не ввиду ограничений, установленных законодателем из соображений правовой политики, препятствующих удовлетворению иска при наличии условий субъективного характера (например, пропуск срока исковой давности). Кондиционный иск не может использо-

* Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 N 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапланова» // «Вестник Конституционного Суда РФ», N 4, 2017.

** Гражданское право: учебник: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. — 560 с.

ваться с целью обхода закона.*

Таким образом, институт неосновательного обогащения, являясь общей защитной гражданско-правовой мерой, имеет субсидиарную по отношению к иным охранительным требованиям природу. При этом свойство «резервности» данного института не должно использоваться с целью обхода установленных законом ограничений.

При этом действующее налоговое законодательство содержит множество механизмов, позволяющих налоговому органу обеспечивать в административном порядке наполняемость бюджета и осуществлять контроль за уплатой налогов. К таковым относятся выездные и камеральные налоговые проверки (ст. 88 и 89 НК РФ), повторные выездные налоговые проверки вышестоящими налоговыми органами в порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего проверку (п. 10 ст. 89 НК РФ), принудительное взыскание налога за счет имущества налогоплательщика (ст. 46 НК РФ) и др.

Для того чтобы не допустить необоснованное вмешательство налоговых органов в деятельность налогоплательщика, указанные механизмы в НК РФ намеренно ограничены определенными в НК РФ процедурами и сроками. В частности, налоговые органы по общему правилу могут проверить только три года, предшествующие году вынесения решения о проведении выездной налоговой проверки (п. 4 ст. 89 НК РФ), они не могут запрашивать документы в отсутствие на то правовых оснований (п. 7 ст. 88 НК РФ) и др.

Таким образом, законодатель сознательно закрепил в законе специальные механизмы, которыми должны руководствоваться налоговые органы для защиты своих публичных интересов. Однако контролирующие органы не могут их применять в случае, к примеру, пропуска предусмотренных НК РФ сроков, позволяющих провести соответствующие мероприятия налогового контроля и взыскать необоснованно вы-

плаченный физическому лицу вычет. В таком случае использование механизма неосновательного обогащения невозможно, поскольку этот метод будет применен в обход ограничений, которые предусмотрены НК РФ, что противоречит сложившемуся правопорядку.

Чрезмерный и необоснованный налоговый контроль на сегодняшний день является распространенной проблемой, которую часто можно встретить на практике. Между тем Конституционный суд РФ в Постановлении № 14-П от 16.07.2004 достаточно определенно сформулировал принцип, согласно которому «НК РФ исходит из недопустимости причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля».**

Между тем использование налоговыми органами механизмов неосновательного обогащения как раз-таки и представляет собой яркий пример чрезмерного и необоснованного вмешательства в экономическую сферу налогоплательщика в силу неправомерного использования кондиционного иска в адрес последнего.

Также необходимо заметить, что мы не можем подобным образом применять к налоговым правоотношениям механизмы, находящиеся за рамками императивных норм налогового права, поскольку пунктом 3 статьи 2 ГК РФ прямо закреплено следующее: «к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством».

Как обоснованно отмечается в литературе, запрет такого рода продиктован существенными различиями в методах регулирования отношений, присущих, с одной стороны, отраслям частного права, каковым является гражданское право, и, с другой стороны, отраслям публичного права, в том числе административного, финан-

* Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве / Российская школа частного права. — Москва: Статут, 2010. — 384 с. Шраге Э. Несправедливое обогащение / В кн.: Юридическая наука и преподавание права: проблемы и перспективы. Международный сборник научных трудов / Под ред. д. ю. н., проф. В. В. Бойцовой, д. ю. н., проф. Л. В. Бойцовой. — Тверь, 1996. — 92–93 с.

** Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 N 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева» // «Вестник Конституционного Суда РФ», N 6, 2004.

сового, налогового права.*

Федеральным налоговым законодательством исключений из этого правила применительно к использованию института неосновательного обогащения не установлено.

Между тем, по мнению М. В. Карасевой (Сенцовой), в Постановлении Конституционного суда N 9-П от 24 марта 2017 года суд сделал вывод о необходимости использования применительно к данной ситуации института неосновательного обогащения, потому что указанный механизм, якобы, «представляет собой конкретизированное нормативное выражение общеправовых принципов равенства и справедливости, лежащих в основе российского конституционного правопорядка», а также в связи с конституционным требованием о «недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц». Таким образом, по мнению ученого, вывод суда никак не связан и не ограничен п. 3 ст. 2 ГК РФ, в котором отмечено, что к налоговым отношениям гражданское законодательство не применяется.**

Все это изначально звучит довольно убедительно, однако трудно согласиться с доводом о том, что Конституционный суд РФ принял решение, не идущее в разрез с п. 3 ст. 2 ГК РФ. Даже если принять тот факт, что при решении возникшей проблемы суд руководствуется лишь нормативным закреплением общеправовых и конституционных принципов права, выходит, что при их реализации мы должны переместиться в плоскость гражданского права и использовать институт, который является носителем этих принципов и содержит регламентированный нормами иной отрасли механизм решения данной проблемы. Мы в любом случае «вторгаемся» в отрасль гражданского права, как бы это не пытался обойти в своем акте Конституционный суд РФ. Если суд при решении спорной ситуации сочтет необходимым разрешить дело, применив общеправовые принципы права, то он это может

сделать и с применением публично правовых институтов, при условии, что данные принципы не будут противоречить налоговому законодательству.

Более того, считаем обоснованным мнение о том, что применение кондикционных обязательств как раз-таки противоречит требованию о «недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц», поскольку в этом случае нарушаются права налогоплательщика на неприкосновенность собственности, которую изъяли в интересах казны в противоправном порядке.

На необоснованность применения институтов гражданского права в свое время указывал и Пленум Верховного Суда РФ в п. 38 Постановления от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»***. Еще раньше указанная позиция отмечалась в п. 2 совместного одноименного Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996.****

Необходимо отметить, что если бы законодатель посчитал необходимым применить определенные гражданско-правовые механизмы (например, институт неосновательного обогащения в целях взыскания задолженности) к отдельным аспектам налогового администрирования, то он бы регламентировал их в кодексе, добавив в них отдельные публично-правовые компоненты в целях обеспечения соблюдения баланса частных интересов налогоплательщиков как «слабой», менее защищенной стороны налоговых отношений и публичных интересов казны, на стороне которых находится более сильный субъект указанных правоотношений.

Примеров подобных внедрений в действующее налоговое законодательство на текущий момент уже не так уж и мало. Достаточно вспомнить способы обеспечения исполнения налоговой обязанности (глава 11 НК РФ). Так, законода-

* Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б.М. Гонгало, А. В. Коновалов, П. В. Крашенинников и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. — 27 с.

** Карасева (Сенцова) М. В. Гражданско-правовые меры принуждения в налоговой сфере и защита прав налогоплательщиков // Финансовое право. 2017. N 10. — 29 с.

*** Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // «Российская газета», N 70, 04.04.2016.

**** Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 152, 13.08.1996

тель предусмотрел возможность использования налогоплательщиком института налогового поручительства в качестве меры, обеспечивающей возможность последнего исполнить налоговую обязанность силами третьего лица в случае, если у самого налогоплательщика для этого отсутствуют соответствующие ресурсы, а налоговому органу, в свою очередь, в этом случае предоставляется гарантия уплаты обязательных платежей в предусмотренные законом сроки и не нанесение ущерба казне.

Кондикционное обязательство не направлено на защиту «слабой» стороны правоотношений с учетом соблюдения интересов «сильной» стороны, поскольку правовой статус сторон гражданских правоотношений является равным по общему правилу.

В связи с этим институт неосновательно-го обогащения в его «чистом» частноправовом смысле не приспособлен для нужд справедливого налогового администрирования. Именно поэтому в целях недопущения нарушения прав субъектов публичных правоотношений (в том числе и субъектов налоговых правоотношений) законодатель в п. 3 ст. 2 ГК РФ предусмотрел превентивную меру по запрету произвольного применения гражданско-правовых конструкций к правоотношениям, где стороны не равны в своем правовом статусе.

Таким образом, обоснованным считается мнение о том, что применение института неосновательного обогащения в качестве механизма по взысканию налогов является недопустимым в сложившемся российском правовом порядке по нескольким причинам.

Во-первых, поскольку законодатель создал специальные предусмотренные НК РФ механизмы для защиты публичных интересов по взысканию налогов, а также установил соответствующие процессуальные сроки для их реализации, применение института неосновательного обогащения за пределами установленных законодателем ограничений недопустимо, поскольку ведет к использованию кондикционного требования в обход закона.

Во-вторых, сам ГК РФ закрепляет общее правило, согласно которому применение гражданское законодательства не применяется к имущественным налоговым отношениям. При этом для нашего случая закон исключений не предусматривает. Ссылки судов на применение кондикционного требования в качестве конституционного принципа справедливости также, на мой взгляд, являются несостоятельными, поскольку они так или иначе ведут к применению гражданского законодательства, что в соответствии с законом является недопустимым.

Литература

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. — С. 560;
2. *Новак Д. В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве / Российская школа частного права. — Москва: Статут, 2010. — С. 416;
3. *Шраге Э.* Неправедливое обогащение / В кн.: Юридическая наука и преподавание права: проблемы и перспективы. Международный сборник научных трудов / Под ред. д. ю. н., проф. В. В. Бойцовой, д. ю. н., проф. Л. В. Бойцовой. — Тверь, 1996. — 89–108 с.;
4. *Дементьев И. В.* Проблемы компетенции налоговых органов в контексте Постановления КС РФ от 24 марта 2017 г. N 9-П // Финансовое право. 2018. N 1 — С. 33–37;
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б. М. Гонгало, А. В. Коновалов, П. В. Крашенинников и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. — С. 336.
6. *Карасева (Сенцова) М. В.* Гражданско-правовые меры принуждения в налоговой сфере и защита прав налогоплательщиков // Финансовое право. 2017. N 10. — С. 27–31.

Судебная практика

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 N 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапланова» // «Вестник Конституционного Суда РФ», N 4, 2017;

-
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 N 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева» // «Вестник Конституционного Суда РФ», N 6, 2004;
 3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // «Российская газета», N 70, 04.04.2016;
 4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 152, 13.08.1996.

УДК 347.73
ББК 67.402

DOI: 10.14451/2.156.56

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 Мамедов Ниджат Джамиль Оглы

Кафедра финансового, банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов

Старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Россия, Санкт-Петербург

E-mail: nijat1984@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы совершенствования мониторинга реализации мер налогового стимулирования деятельности субъектов предпринимательства. Отмечено, что существенным фактором, осложняющим осуществление мониторинга налоговых льгот с последующей оценкой их эффективности следует выделить невозможность получения необходимой информации относительно объемов предоставленных субъектам предпринимательства налоговых льгот в части как региональных, так и местных налогов применительно к конкретным группам налогоплательщиков. Сделан вывод, что правоприменительная практика налогового законодательства предполагает необходимость целостной системы налогового мониторинга в части реализации налогоплательщиками налоговых льгот, в формировании и постоянном совершенствовании методики оценки налоговых льгот, построенной на основе единой системы критериев их эффективности.

Ключевые слова: налог, налоговая система, налоговые льготы, налоговые преференции, малое предпринимательство, налоговое стимулирование

При реализации мер налогового стимулирования достаточно актуальной является задача получения объективной информации по данным процессам, связанной, в том числе и с оценкой налоговой нагрузки в отношении субъектов малого предпринимательства. Одним из основных путей решения этой задачи может являться построение целостной системы мониторинга как по обязательным платежам, так и в отношении обязательных неналоговых платежей. Иными словами, для точной оценки эффективности налогового стимулирования необходим мониторинг правового механизма налогообложения субъектов малого предпринимательства. Правовая основа такого мониторинга была определена в Указе Президента РФ № 657 от 20 мая 2011 г. «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [1], которым было утверждено «Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

В соответствии с нормами данного указа осуществление мониторинга состоит в плано-

вой и комплексной деятельности уполномоченных органов исполнительной власти федерального и регионального уровней и состоящей из совокупности таких процедур как сбор, обобщение, анализ и оценка целостной информации, связанной с обеспечением издания, изменения или признания утратившими силу определенных нормативно-правовых актов. Как следствие, в развитие данного Указа была принята Постановлением Правительства РФ № 694 от 19 августа 2011 г. [2], утвердившее методику осуществления мониторинга правоприменения. Данная методика устанавливает правила и определяет показатели осуществления мониторинга правоприменения как федеральными органами исполнительной власти, так и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Согласно методике, проводятся текущий и оперативный виды мониторинга правоприменения.

Применительно к вопросам налогового стимулирования вопросы мониторинга были затро-

нуты в «Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2012 год и на плановый период 2013–2014 гг.» [3] посредством определения необходимости исследования эффективности и действенности существующих и планируемых к введению налоговых льгот. Это во многом было вызвано тем, что даже при наличии на региональном уровне методик оценки эффективности налоговых льгот, им был свойственен описательный характер при отсутствии параметров применения для анализа математических методов.

Последующие «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016–2017 гг.» [4] основной акцент в рассматриваемой сфере сделали на вероятностных рисках государства при совершенствовании старых или введении новых налоговых льгот. В этой связи на органы исполнительной власти были возложены задачи, связанные с формированием действенных механизмов, в рамках которых была бы осуществлена оптимизация налоговых рисков государства, особенно в части предоставления налоговых льгот. Кроме того и «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017–2018 гг.» [5] одним из своих приоритетов определяли инвентаризацию действующих налоговых льгот и необходимость создания унифицированной методики оценки эффективности их применения.

Несмотря на достаточно активное внимание к формированию механизма мониторинга мер налогового стимулирования в указанной сфере это проблема и в настоящее время остается актуальной в силу недостаточной его проработки на нормативном уровне. В свою очередь практическое администрирование действующих налоговых льгот подтвердило их слабую адресность, возможности злоупотребления или даже уклонение от уплаты налогов в условиях недостаточного механизма оценки эффективности применения таких льгот.

Проведенный автором анализ позволил определить ряд основных недостатков существующего механизма мониторинга налоговых льгот: во-первых, существует достаточно много различных методов осуществления мониторинга, которые нашли свое применение в различных отраслях промышленности и в различных субъектах РФ; во-вторых, эти методы используют различные критерии и показатели финан-

совой активности, создающие часто противоречивую картину мониторинга мер налогового стимулирования; в-третьих, это ведет к отсутствию единого механизма мониторинга подобных мер применительно к конкретным отраслям промышленности или сельского хозяйства, который бы в полной мере мог бы учитывать их специфику и, в-четвертых, и это является самым принципиальным моментом — отсутствует нормативно установленный механизм мониторинга мер налогового стимулирования. Это не позволяет говорить о наличии единой основы для формирования схожих, по сути, и содержанию механизмов в каждом из субъектов РФ. Именно эти недостатки не позволяют осуществлять единые процедуры мониторинга мер налогового стимулирования как целостной системы и значимого элемента налоговой системы РФ.

По своей сути, эффективными мерами налогового стимулирования следует считать такие, благодаря которым возможно изменять определенные сферы экономики или отдельные отрасли, соблюдая при этом положительный баланс бюджетов всех уровней. При этом нормативная регламентация подобных мер не должна вызывать сложности или создавать противоречия в реализации субъектами предпринимательства доступных для них.

В этой связи повышение эффективности мер налогового стимулирования есть обоюдный процесс, затрагивающий как государство, так и налогоплательщиком. Где, с одной стороны, данные меры должны обеспечивать пополнение бюджета, а с другой — способствовать развитию производственной деятельности субъектов предпринимательства, увеличению количества рабочих мест, снижению социальной напряженности и т.п., что в дальнейшем позволит получать государству более значимые суммы налоговых доходов.

Меры налогового стимулирования относятся к основным элементам налоговой системы государства. Во многом благодаря им возможно стимулирование и развитие определенных секторов экономики. В этой связи актуальной становится постановка вопроса относительно того комплекса мер, которые следует предпринять государству при осуществлении мониторинга действующих мер налогового стимулирования с целью совершенствования инвестиционного и инновационного климата в России.

Однако существенным фактором, осложня-

ющим осуществление мониторинга налоговых льгот с последующей оценкой их эффективности следует выделить невозможность получения необходимой информации относительно объемов предоставленных субъектам предпринимательства налоговых льгот в части как региональных, так и местных налогов применительно к конкретным группам налогоплательщиков.

Полной информацией о размерах получаемых организациями (физическими лицами) налоговых льгот обладают налоговые органы при сборе и обработке налоговых деклараций. Однако они должны соблюдать налоговую тайну, право на доступ к которой, согласно ст. 102 Налогового кодекса Российской Федерации [6] не имеют органы государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, предоставляя налоговые льготы и подтверждая их обоснованность, не имеют никакой информации ни о конкретных пользователях льгот, ни о путях использования эффекта от этих льгот.

Следует отметить, что во многих субъектах Российской Федерации приняты региональные методики оценки бюджетной, экономической и социальной эффективности мер налогового стимулирования. Их анализ показывает, что они имеют различия, зачастую носят декларативный характер и не обеспечивают точность оценки. Поэтому необходима единая методика оценки эффективности данных мер, утвержденная на федеральном уровне, которая учитывала бы наработанный опыт в субъектах Российской Федерации.

Разработка и последующее внедрение подобной системы мониторинга предполагает необходимость разрешения определенных вопросов, связанных с определением правильных объектов и субъектов мониторинга, его временные рамки как в целом, так и отдельных процедур и получения данных, выработкой критериальных оснований и показателей эффективности и результативности применения налоговых льгот, возможность выявления и нивелирования различного рода рисков, а также аналитического и информационного сопровождения мониторинга и определение алгоритмов оценки и последующих решений на основе полученных результатов.

Обычно, в качестве объекта оценки и мони-

торинга выступает эффективность и результативность применения налоговых льгот. В этой связи можно предложить как расширение объекта оценки введение в его состав такой категории как налоговые преференции, которые отличаются косвенно к льготам отношением. Другим дополнением можно предложить осуществление оценки и мониторинга налоговых льгот, установленных в отношении иных обязательных платежей.

Необходимость подобного подхода во многом определяется тем, что изучение эффективности применения субъектами предпринимательства налоговых льгот, совершенствование методических оснований такого изучения и на федеральном и на региональном уровнях отличается фрагментарным характером. Например, и Министерство финансов РФ и ФНС проводят только бюджетную оценку применения налоговых льгот.

Кроме того, качественное управление региональными налоговыми льготами может стать действенным инструментом увеличения доходного потенциала налоговой системы и, как следствие, повышения сбалансированности и устойчивости региональных бюджетов, что является возможным только при формировании эффективной системы мониторинга и оценки. Применительно к проведению контроля за налоговыми льготами, как правило, проводится сопоставление социально-экономических и иных результатов, достигнутых за счет их введения, с объемом предоставленных налоговых льгот в денежном выражении. Вследствие сложности количественной оценки первого, а также трудностей оперативного сбора статистических данных для оценки второго, качественная оценка налоговых льгот затруднена.

Выбор критерия эффективности в контексте анализа результативности налоговых льгот представляет собой очень трудную задачу, поскольку далеко не всегда эффект применения льготы может быть измерен напрямую. Часто стимулирующие налоговые меры имеют сильно отложенный во времени эффект и трудно отделимы от последствий изменения других экономических факторов. К тому же налоговые меры поддержки инноваций могут вовсе не иметь количественных характеристик эффективности. Более того, иногда количественные критерии приводят к неверным выводам, особенно в случае стран с низкой налоговой дисциплиной.

Таким образом, правоприменительная практика налогового законодательства предполагает необходимость целостной системы налогового мониторинга в части реализации налогоплательщиками налоговых льгот, в формировании и постоянном совершенствовании методики оценки налоговых льгот, построенной на основе единой системы критериев их эффективности.

Это во многом позволит обеспечить улучшение качества и эффективности реализации налогового мониторинга для достижения основных показателей бюджетного и финансового прогнозирования с целью планирования финансовой деятельности государства и субъектов предпринимательства.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 20.05.2011 N 657 (ред. от 25.07.2014) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 23.05.2011 – N 21 – ст. 2930.
2. Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 N 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 29.08.2011 – N 35 – ст. 5081.
3. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов (одобрено Правительством РФ 07.07.2011) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118742/
4. Основные направления налоговой политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов» (одобрены Правительством РФ 01.07.2014) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126727/
5. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183748/#dst0.
6. Налоговый кодекс РФ (ч.1) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998 – N 31 – ст. 3824.
7. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2017–2019 годы <http://www.duma.gov.ru/>

ЭКОНОМИКА И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ УСЛУГ

© 2021 Ялунина Екатерина Николаевна

доктор экономических наук,

профессор кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования
Уральский государственный экономический университет, Россия, Екатеринбург

© 2021 Мансуров Гафур Закирович

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права
Уральский государственный экономический университет, Россия, Екатеринбург

В статье проведено исследование как развитие реального сектора экономики подвержено влиянию сформировавшегося практического применения действующего законодательства. Понятие «реальный сектор экономики» в законодательстве отсутствует, но в ряде нормативно-правовых актов существует изложение мер государственной поддержки рыночных субъектов ряда отраслей экономики, в частности сельского хозяйства, предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, строительства, транспорта, сферы услуг. Государство отводит приоритетную роль праву с целью определения «правил игры», которые несомненно оказывают влияние на объекты экономической системы, в частности на конечные показатели рыночных субъектов таких как рентабельность производства, продаж, затрат и уровень платежеспособности населения. Исследование в рамках заявленной темы актуально, оно направлено на определение степени воздействия права на экономику.

Ключевые слова: экономика, право, реальный сектор экономики, предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, уровень влияние.

Экономический рост национальной экономики напрямую зависит от развития сферы услуг, так как в условиях ее трансформации, роль сферы услуг связана с влиянием таких факторов как, информационные технологии, уровень знаний, сформировавшийся человеческий капитал, процессы глобализации. Рассматривая сферу услуг, в частности оптовую и розничную торговлю, бытовые, социальные, страховые, финансовые услуги нами определены критерии оценки как универсальные, так и имеющие специфику. Запросы потребителей формируют портфель заказов для производства новых товаров и как следствие их продвижение на рынок. Проводя исследование развития сферы услуг зарубежных стран, констатируем, что 76% в ВВП занимает сфера услуг и причисляется к крупнейшему сектору экономики. Приоритетными направлениями развития сферы услуг являются лизинговые операции, аудиторские, инженерно-строительные услуги, по найму работников. За последние годы сфера услуг активно развивается, доля в ВВП в 2017 году составила 69%. Особое место в развитии сферы услуг занимает предпринимательство, которое формирует обособленную среду с определенным уровнем культу-

ры, знаний, наличием ресурсов. Наличие разных организационно-правовых форм и сложившихся систем управления позволяет предпринимательству в сфере услуг достигать нормируемых показателей, несмотря на влияние внешних факторов на макро и мезоуровнях. Для дальнейшего развития предпринимательства необходимо совершенствовать профессиональный уровень работников, отсутствие инновационного маркетинга, новые рынки сбыта. Нужно изучать опыт развитых стран и выстраивать с ними хозяйственные связи. Часть существующих организаций сферы услуг не занимаются изучением конъюнктуры рынка услуг. Не достаточно уделяют внимания на повышение качества реализуемых услуг, а современный потребитель имеет опыт сравнения с аналогичными организациями других стран. Происходит диссонанс на рынке, установленные цены на услуги организациями не соответствует ожиданиям потребителя, в частности низкий уровень качества по завышенным ценам. Следующей проблемой для российской сферы услуг остается низкий уровень научно-технической обеспеченности рыночных субъектов, а также нормативно-правовое регулирование.

Таблица 1. Характеристика проблемы соотношения экономики и гражданского права

П.Е. Казанский	«юридические явления, явления, изучаемые наукой права, не представляют собой чего-либо обособленного, оторванного от остальных отношений общественной жизни. Поэтому, чтобы изучить, понять и объяснить их, недостаточно рассматривать их самих по себе и самих в себе» [8, С.1]
Я.А. Канторович	«отношения человека по имуществу отличаются в особенности свойством права; они составляют главное содержание права гражданского: к ним в особенности прилагается понятие о моем и твоём» [8, С.80]
К.П. Победоносцев	«тесная связь предметов гражданского, особливо вотчинного, права с экономией, делает невозможным, в наше время, изучение первого, без изучения последней» [18, Т.1. С.744]
Ф. Эндеманн	«напрасен труд юриста, если нормы, которые он устанавливает или применяет, противоречат научным данным политической экономии» [9, С.6]
В.И. Авдийский	«основной причиной указанных проявлений является прежде всего то, что все малоэффективные нормы разрабатывались без учета экономической составляющей процессов, которые должны были регулировать соответствующие нормы закона» [1, С.29]
Ю.С. Гамбарова	«указывало на зависимость права от экономических отношений и настаивало на изучение правовых явлений в связи с экономическими»
К. Маркс	«мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, также точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа ... наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях ... и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [15, Т.4. С.112]
Ф. Энгельс	«главный упор мы делали, и должны были делать, сначала на выведение политических и правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе» [15, Т.21. С.311]
В.П. Шкретов	«для того, чтобы законодательство, регулирующее экономическую жизнь, стало высокоэффективным, законы государства не должны содержать в себе регламентации всего того, что по своему объективному характеру не поддается правовому регулированию» [29, С.257].
Л.С. Явич	«правоотношения, которые регулируют фактически существующий вид общественных отношений, и такие правоотношения, которые сами по себе (но опираясь на фактические обстоятельства) образуют особый вид отношений, без них вообще не существующий» [30, С.24]
О.Т. Богомолова	«право в рыночной экономике нельзя рассматривать лишь как юридическое оформление объективно сложившихся экономических отношений» [5, С.28–29].
С.С. Алексеев	«следует признать упрощенным взгляд, в соответствии с которым позитивное право, происходящие в нем изменения, модификации напрямую связывают с экономикой, идеологией и т.д. Процесс тут более сложен. Соответствующие объективно обусловленные требования, продиктованные жизнью — экономикой, идеологией и др., во-первых, идут через всю инфраструктуру социального регулирования данного общества и через его сложный механизм «выходят» на право, а во-вторых, преломляются в этой инфраструктуре через ее наиболее глубокий слой — непосредственно-социальные права» [2, С.63]
Г.Д. Берман	«более уместно и полезно говорить о взаимодействии политики, экономики, права, религии, искусства, идей без расчленения этих нераздельно связанных сторон общественной жизни на «причины» и «следствия» [4, С.521]
С.И. Аскназий	«экономические условия не являются единственной активной причиной возникновения и дальнейшего движения ... правовых институтов; экономические отношения и здесь нередко лишь в конечном счете являются решающими, и на них весьма сильно влияют остальные политические и идеологические условия» [3, С.145].
Д.С. Львов	«крупномасштабную примитивизацию экономической мысли» [14, С.25].
К.Р. Поппера	«научное мышление, в особенности, мышление о политических и социальных проблемах, происходит не в вакууме, а в социально обусловленной атмосфере», «социальная среда мыслителя определяет целую систему убеждений и теорий, которые представляются ему, безусловно, истинными или самоочевидными» [20, Т.2.С.246].
Дж. Сорос	«Недостатки экономической науки вызваны не просто нашим несовершенным пониманием экономической теории или нехваткой адекватных статистических данных. Экономические или общественные события, в отличие от событий, которые изучаются физиками и химиками, включают мыслящих участников. И именно мыслящие участники могут изменять правила экономической и общественной системы просто в силу своих представлений об этих правилах» [25, С.32].

Анализ проблемы соотношения экономики и гражданского права в сфере услуг позволит рыночным субъектам привнести в деятельность некие «правила игры», которые направлены на достижение рациональных показателей эффективности использования имеющегося совокупного потенциала, а также стать основой для повышения уровня их высокотехнологичного развития.

Проведя анализ проблемы соотношения экономики и гражданского права выделяем две проблемы, которые присущи развитию сферы услуг, в частности предпринимательству. Решение первой проблемы прослеживается в теории марксизма и часть авторов, обозначенных в исследовании, данный тезис подтверждают и с ними мы солидарны. Вторая проблема, которая подлежит дискуссии, демонстрирует общие принципы как в экономике, так и в юриспруденции. Но часть авторов указывает на ранее возникший этап возникновения права, как самостоятельный инструмент регулирования процессов в обществе, нежели чем экономика. И позднее описывают появление экономики как самостоятельную область исследования, в частности возникновение в Новом времени через полторы тысячи лет. Следующий этап взаимозависимости между экономикой и правом выявлен в фазе активно расцвета политэкономии. Причем, западноевропейские специалисты рассматривают данные вопросы в контексте доминирования экономических процессов над юридическими, что позволило укрепить политэкономии как самостоятельную научную область знаний и определить тесные связи с естествознанием, что подчеркивало ее изменение в динамике, следовательно, появилась возможность изучать ее развитие. Право, как науку рассматриваем с точностью наоборот, она отражает реальность сегодняшнего дня, т.е. более статична и ей не позволительны вольности, а ее позиционирование ограничено сводом правил, норм. Как доказательство течение нормативизма существовало и в те времена и актуально и по сей день. Нормативизм в работах рассматривается как обособленная функция, наделенная государственными органами управления, утверждающая правовые нормы. Марксизм, ленинизм, процветающий в эпоху административно-командной системы управления государством, отражало веяния экономизма, в частности «Манифест Коммунистической партии» это констатирует. Сущность ма-

нифеста заключается, что воля существующего класса возведена в закон, т.е. наблюдается тесная связь права и обеспечение материальными благами общества. В данной научной категории невидимая связь усиливается и приближает его к экономической основе. Естественнo-правовая доктрина демонстрирует развитие исследуемых научных дефиниций, усиливает позиции права. Сгруппированная политическая воля диктует сценарий развития государства посредством правового закона. Хотя и прослеживается диаметрально противоположная точка зрения, выраженная в рассуждениях и определении влияния волевых поступков.

Таким образом, существующая практика директивной экономики констатировала, что реализация социально-экономического сценария развития национальной экономики должна осуществляться в рамках правового регулирования, соблюдая принципы права собственности, конкуренции, гибкой фискальной политики. Под сферой услуг мы понимаем, наличие видов деятельности, сконцентрированных посредством производства и реализацию услуг потребителям, которые четко формулируют запросы через потребительские ожидания. Считаем необходимым подчеркнуть влияние права на развитие сферы услуг как сектора национальной экономики, который подвержен правовому регулированию со стороны органов государственной власти. Правовое регулирование в данном секторе наделено специфическими условиями, которые проявляются в виде многообразия интересов заказчика услуг, причем как коммерческого, так и некоммерческого характера.

Очевидно, что позиция сторонников экономического детерминизма была бы обоснованной только в случае, когда законодатель, при разработке нормативных актов, руководствовался бы только экономическими соображениями и эти соображения были бы достоверными.

Разработка стратегии развития отраслей сферы услуг сопровождается правовом обеспечением и является базисом для ее реализации. Проблемой в настоящее время является то, что существующая законодательная база регионами трактуется и исполняется не всегда в точной мере ее изложения. Основными документами, регламентирующими нормативно-правовое регулирование в сфере услуг являются Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, Закон о конкуренции, защите прав потребителей, лицензировании и

др. Государственное управление в сфере услуг также многоуровневое, например, организация выездного комплексного бытового обслуживания в сельской местности регламентирована на муниципальном уровне. Помимо государственного многоуровневого управления в сфере услуг, мы отмечаем его разнонаправленность, в частности социально-экономическое, культурно-досуговое, научное и ряд других. Современные авторы трактуют, что система государственного управления должны быть выстроена вертикально и применять комплексный подход. Сущность которого заключается в реализации конкурентоспособной услуги, которая соответствует ожиданием запросов потребителей. Реализация целевой программы «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской

Федерации (2011–2018 г.г.)» является примером комплексного подхода в обеспечении конкурентоспособной услуги на территории Российской Федерации. Опираясь на вышеизложенное, мы подчеркиваем, что право и экономика взаимозависимы друг от друга и подвержены влиянию других факторов, таких как влияние политической целесообразности. Также можно резюмировать, что принятые ряд нормативных актов не отражают ситуацию в реальном секторе экономики по причине непонимания, либо недостаточно проведенного глубокого исследования, в том или ином вопросе и требует принятия ряда поправок, либо намеренного принятия решения не в пользу определенных целевых групп, а преследуя в первую очередь интересов государства.

Библиографический список

1. Экономический анализ права: сравнительно-правовое исследование [Текст] / В.И. Авдийский // Международное публичное и частное право. — 2012. — № 3. — с. 26–29.;
2. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Изд-во Бек, 1993. — 223 с.;
3. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права [Текст] / С.И. Аскназий; науч. ред. В. С. Ем. — М.: Статут, 2008. 856 с.;
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. — 624 с.;
5. Богомолов О. Т. Реформы в зеркале международных сравнений [Текст] / О. Т. Богомолов. — Москва: Экономика, 1998. — 159 с.;
6. Бродский М. Н. Законодательная база экономического развития [Текст] / М. Н. Бродский. — СПб.: Европейский дом, 2002. — 592 с. — (Право и экономика);
7. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров; Под ред. В. А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2003 (ППП Тип. Наука). — 796 с.;
8. П. Казанский. Введение в курс международного права. Одесса, 1901 [Текст]. А. Пиленко. // Право. — 1901. — [№ 1–52]. — С. 512–517;
9. Канторович Я. А. Основные идеи гражданского права / С предисл. А. Малицкого. — Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1928. — 310 с. // Революция права. — М.: Изд-во Ком. Акад., 1928, № 2. — С. 163–166;
10. Карсон Роберт Б. Что знают экономисты: основы экономической политики на 1990-е годы и в перспективе / Роберт Б. Карсон; отв. ред. В. Р. Евстигнеев. — Москва: Квадрат, 1993. — 308 с.;
11. Кленнер Г. От права природы к природе права. Перевод с немецкого / Кленнер Г.; Под ред.: Куркин Б. А.; Пер.: Бекназар-Юзбашев Т. Б.; Вступ. ст.: Мамут Л. С. — М.: Прогресс, 1988. — 320 с.;
12. Семко Г. В. 95.01.002. Кульман А. Экономические механизмы / пер. С ФР. Островской Е. П.; общ. Ред. Хрустальной Н. И. — М.: прогресс, 1993. — 189 с.;
13. Лившиц Р. З. Теория права. Учебник / Лившиц Р. З. — М.: БЕК, 1994. — 224 с.
14. Львов, Д. С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. — М.: Экономика, 1999. — 80с.;
15. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, тома 1–39. Издание второе М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 г.г.;
16. Морандьер Ж. Л. Гражданское право Франции. Перевод с французского. Т. 2 / Жюлио де ла Морандьер Л.; Пер. и вступ. ст.: Флейшиц Е. А. — М.: Иностран. лит., 1960. — 728 с.;
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.;
18. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: Вотчинные права. Ч. 1 / Победоносцев К. П.; Науч. ред.: Ем В. С. — М.: Статут, 2002. — 800 с.;
19. Общая теория права: Учебник / Поляков А. В., Тимошина Е. В., — 2-е изд. — СПб: СПбГУ, 2015. — 472 с.;

20. *Поппер Карл Раймунд* П 57 Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.;
21. Правовая система социализма: Понятие, структура, социальные связи. Кн. 1 / Васильев А.М., Гаврилов О.А., Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н., и др.; Редкол.: Васильев А.М. (Отв. ред.), Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. — М.: Юрид. лит., 1986. — 368 с.;
22. *Самуэльсон П.А.* Экономика: [Учеб. пособие для студентов, обучающихся по экон. направлениям и специальностям] / Пол А. Самуэльсон, Вильям Д. Нордхаус; Пер. с англ. под ред. Тарасевича Л.С., Леусского А.И. — М.: Бинوم: Изд. торговый дом «КноРус», 1997. — 799 с.;
23. *Семякин М.Н.* Экономика и право: проблемы теории, методологии и практики / Под общ. ред. А.И. Татаркина. Екатеринбург, 2006. С. 41–65.;
24. *Сорос, Джордж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Джордж Сорос; [Пер. с англ.]. — М.: Некоммер. фонд поддержки культуры, образования и новых информ. технологий, 2001. — 455, [3] с.;
25. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма: Открытое об-во в опасности / Пер. с англ. Умрихиной С.К., Штернгарца М.З. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 261 с.;
26. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2000. 528 с.;
27. Теория государства и права /под ред. М.Н. Марченко. М., 2011.;
28. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России / Шершеневич Г.Ф.; Науч. ред.: *Ем В.С.* — М.: Статут, 2003. — 250 с.;
29. *Шкрядов В.П.* Экономика и право. Опыт экономико-юридического исследования общественного производства / Шкрядов В.П.; Ред.: Басырова З.А. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономика, 1990. — 270 с.;
30. *Явич Л.С.* Общая теория права / Явич Л.С.; Под ред.: Королев А.И. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. — 285 с.;
31. *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности / Яковлев А.М.; Отв. ред.: Кудрявцев В.Н. — М.: Наука, 1988. — 256 с.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº6 (156)
2021**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФЦ 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 30.06.2021

Format 60x84/8

Printed signatures 8.72

300 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

Kalashnikova E.B. Tax measures during the pandemic	69
Lang P.P. The right to judicial protection as a constitutional value	69
Loshkarev A.V., Kashina A.V. Organizational and legal basis of the lawyer's activity to protect the rights of the principal in tax disputes	70
Loshkarev A.V., Kutovoy Y.S. Features of legal regulation of cryptocurrency in Russia and foreign countries	70
Loshkarev A.V., Marakhovskii I.V. Analysis of the use of mediation as a method of resolving criminal law conflicts in foreign countries	71
Revina S.N., Kuzmina I.Yu. Influence of legal culture and legal consciousness in the law-making process in Russian Federation	71
Skachkova O.V., Karapetyan A.A. Topical issues of the practice of consideration by arbitration courts of disputes from a construction contract	72
Khavzhokova Z.B., Zumakulova Z.A., Karamurzova I.B., Kokova D.A., Beituganova Z.K. Infection of another person with HIV due to improper performance by a healthcare provider of his professional duties: Problems of legal regulation	72
Shchukina T.V. Administrative and legal regulation of innovation and the procedure for assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts in the economic activity of the state	73

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

Kukushkin D.S. Problems of application the institute of <i>condictio</i> in collection of taxes	74
Mamedov N.D.O. Implementation of measures of tax incentives for the activities of small businesses engaged in agricultural activities in the Russian Federation	74
Yalunina E.N., Mansurov G.Z. Economy and civil law: problems of correlation in the service sector	75

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

TAX MEASURES DURING THE PANDEMIC© 2021 **Kalashnikova Elena Borisovna**

Associate Professor of the Department of theory of law and philosophy

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: kalashnikova-helen@yandex.ru

The article examines domestic and foreign experience with regard to tax measures applied during the pandemic. The author considers the main types of measures and the rules for their establishment, and concludes that it is problematic to determine the subjects of tax measures. It is indicated that there is a certain discrimination when referring business entities to the economic sphere in order to determine business support measures. It is proposed to divide into three categories of business entities that should be subject to tax measures, and it is also concluded that it is necessary to take into account the amount of reduction in the income of entrepreneurs. The decrease in income should be a determining factor for the application of tax measures to business entities whose activities are not explicitly prohibited or restricted, but are actually impossible.

Keywords: pandemic, business support measures, tax measures, tax exemption.

THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION AS A CONSTITUTIONAL VALUE© 2021 **Lang Petr Petrovich**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Civil and Arbitration Procedure

Samara State University of Economics, Samara, Russia

This article examines the fundamental constitutional right to judicial protection from axiological, value-based positions. The article presents the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the right to judicial protection in the hierarchy of law, and focuses on the fundamental nature of the right to judicial protection as a security mechanism for all other human rights and freedoms in civil society. Attention is paid to the practical significance of the law under consideration, and examples of judicial law enforcement practice are given. The definition of the right to judicial protection as a multidimensional legal phenomenon is formulated. The role of human rights as a value reference point in the legal regulation of public relations is mentioned.

Keywords: right to judicial protection, legal value, constitution, judicial procedure, judicial power.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASIS OF THE LAWYER'S ACTIVITY TO PROTECT THE RIGHTS OF THE PRINCIPAL IN TAX DISPUTES

© 2021 **Loshkarev A. V.**

Candidate of law

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: 2482337@mail.ru

© 2021 **Kashina A. V.**

Undergraduate student

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: kashin.anelu@mail.ru

The formation of a state governed by the rule of law requires constant reform of Russian legislation, as well as a revision of the meaning of social values and fundamental legal institutions. First of all, the update of the legislation is aimed at democratizing the judicial process, since the legal sphere has long identified the problem of the existing conflict of interests between the authorities and citizens in resolving various types of disputes. Thus, tax disputes are a stumbling block between the tax authorities and taxpayers.

Keywords: lawyer, tax dispute, litigation, trustee, law, fiscal authorities, justice, representation in court.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

© 2021 **Loshkarev Andrey Viktorovich**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: 2482337@mail.ru

© 2021 **Kutovoy Yan Sergeevich**

Student

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: yan_kutovoy@bk.ru

A comparative analysis of the legal regulation of cryptocurrency in different countries will make it possible to draw a cumulative conclusion about the available possibilities of using cryptocurrency. The article identifies the main problems of legal regulation of cryptocurrency, as well as trends and development paths, elaborates recommendations for minimizing risks when dealing with cryptocurrency.

Keywords: cryptocurrency, legal regulation, digital currency, digital financial assets.

ANALYSIS OF THE USE OF MEDIATION AS A METHOD OF RESOLVING CRIMINAL LAW CONFLICTS IN FOREIGN COUNTRIES

© 2021 **Loshkarev A. V.**

Associate professor Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: 2482337@mail.ru

© 2021 **Marakhovskii I. V.**

Undergraduate student Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: marahov.van@mail.ru

To date, scientists in the field of criminal law have not yet come to a consensus on the use of mediation in resolving criminal cases. We believe that the success of the application of criminal mediation can be determined by the positive effect that it has on the implementation of criminal law policy in foreign countries. This article will study not only the experience of foreign countries in the application of criminal mediation, but also the positions of scientists who determine the need to use this legal institution through legal, philosophical and social factors. Also, based on the conducted comparative legal analysis, ways to improve Russian legislation in this area will be proposed.

Keywords: alternative dispute resolution, criminal prosecution, judicial system, principles of criminal law, law enforcement agencies, mediators, justice, truth, court costs.

INFLUENCE OF LEGAL CULTURE AND LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE LAW-MAKING PROCESS IN RUSSIAN FEDERATION

© 2021 **Revina S. N.**

Doctor of Legal Sciences, Professor
Samara State the University of Economics, Samara, Russia

© 2021 **Kuzmina I. Yu.**

Master, Samara State the University of Economics, Samara, Russia

The article examines the influence of legal culture and legal awareness on the law-making process in the Russian Federation. It is on the level of development of legal culture and legal consciousness that the quality of the law-making process, and hence the quality of the legal system as a whole, depends.

Keywords: *legal consciousness, legal culture, law-conducting process, legal ideology, legal position.*

References

1. *Alekseev S. S.* State and law. — M., 2015. — 152 p.
2. *Baranov P. P.* Legal regulation of lawmaking in the constituent entities of the Russian Federation // North Caucasian legal bulletin, 2016. No. 1. P. 10–15.
3. *Matuzov N. I., Malko A. V.* Theory of State and Law. — M., 2020. — 528 p.
4. *Syrykh V. M.* Theory of State and Law. — M., 2019. — 930 p.
5. *Rumyantsev M. B.* Lawmaking in the Russian Federation: monograph / M. B. Ru-myantsev. — Cheboksary: Publishing House «Wednesday», 2019. — 324 p.
6. *Usmanova E. F.* Tasks of legal culture and its role in lawmaking and law enforcement // World of Science and Education, 2015. No. 2. P. 2–7.

TOPICAL ISSUES OF THE PRACTICE OF CONSIDERATION BY ARBITRATION COURTS OF DISPUTES FROM A CONSTRUCTION CONTRACT

© 2021 **Skachkova Olga Viktorovna**

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure
Samara State University of Economics, Samara, Russia

© 2021 **Karapetyan Aida Artakovna**

undergraduate
Samara State University of Economics, Samara, Russia

In this article, based on an analysis of civil legislation and scientific literature, it was concluded that a construction contract is practically the most common civil law contract. At the same time, its importance for civil circulation can hardly be overestimated, since it covers a wide range of relations directly in the sphere of production. In this regard, it is natural to have a large number of court cases within the legal relations of this area. The study analyzes the judicial practice in this area. As a result, it is noted that the relationship of the parties to the studied agreement in reality in most cases is difficult and diverse, which leads to an extraordinary variety of litigation in this area.

Keywords: construction contract, construction contract, dispute, arbitration proceedings.

INFECTION OF ANOTHER PERSON WITH HIV DUE TO IMPROPER PERFORMANCE BY A HEALTHCARE PROVIDER OF HIS PROFESSIONAL DUTIES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

© 2021 **Khavzhokova Zalina Borisovna**

PhD in Jurisprudence, Associate Professor
Kabardino-Balkar State University, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia
E-mail: rado10101@rambler.ru

© 2021 **Zumakulova Zarema Ahmatovna**

PhD in Jurisprudence, Associate Professor
Kabardino-Balkar State University, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia
E-mail: zarema.zum@mail.ru

© 2021 **Karamurzova Inna Barasbievna**

PhD in Jurisprudence, Associate Professor
Kabardino-Balkar State University, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia
E-mail: 07innka@mail.ru

© 2021 **Kokova Diana Aslanovna**

PhD in Jurisprudence, Associate Professor
Kabardino-Balkar State University, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia
E-mail: d.kokova@yandex.ru

© 2021 **Beituganova Zalina Khazhmuratovna**

Kabardino-Balkar State University, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia
E-mail: beituganova7890@gmail.com

This article is devoted to the problematic issues of criminal prosecution for contracting another person with HIV due to improper performance by a medical worker of his professional duties.

Keywords: human health, HIV infection, disease, crime, medical services.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF INNOVATION AND THE PROCEDURE FOR ASSESSING THE REGULATORY IMPACT OF DRAFT REGULATORY LEGAL ACTS IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE STATE

© 2021 **Shchukina Tatiana Vladimirovna**

Doctor of Law, Associate Professor

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: shukina-tv@mail.ru

The subject of this article is the study of the legal regulation of innovations in the economic activity of the state and the influence of the procedure for the regulatory impact of draft regulatory legal acts on the above processes. The topic of the article reflects the issues of assessing regulatory development as an instrument of interaction between the state and the business community, the routine of this procedure. The purpose of this article is to identify the features of the procedure for assessing regulatory development at the present stage of socio-economic development, the place and role of the state in this process. The methodology of this work was made up of comparative, formal legal, analytical methods. The results of the work are the formulation of the role and content of the procedure for assessing the regulatory development of regulatory legal acts and innovations. The scope of work results includes policies on innovation and entrepreneurship.

Keywords: appraisal procedures, innovations, procedure for the regulatory impact of draft normative legal acts, entrepreneurial activity.

References

1. Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii», stat'ya 26.3–3.
2. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2012. N 52. St. 7491.
3. *Christopher D.* Can the administrative state be tamed? // Journal of Legal Analysis. Spring 2016: Volume 8, Number 1. P. 142–146.
4. *Belyaev A.N., Derman D.O., Cygankov D.B.* Metodicheskie podhody k meta-ocenivaniyu kachestva zaklyuchenij ob ocenke reguliruyushchego vozdeystviya // Proektirovanie, monitoring i ocenka. 2011. № 1.— URL: www.pmojournal.ru
5. Rejting regionov 2015.— URL: <http://orv.gov.ru/Regions>
6. Luchshie praktiki.— URL: <http://orv.gov.ru/Education?cat=67>
7. Monitoring provedeniya ORV proektov normativnyh pravovyh aktov Lipeckoj oblasti za 9 mesyacev 2016 goda.— URL: www.admlip.ru/activities/otsenka-reguliruyushchego-vozdeystviya/monitoring-orv/
8. ORV v cifrah.— URL: www.orv.gov.ru/#
9. Otchet ob osnovnyh rezul'tatah raboty Departamenta ORV Mineko-nomrazvitiya RF za 2017 god- URL: www.orv.gov.ru/#

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

**PROBLEMS OF APPLICATION THE INSTITUTE OF CONDUCTIO
IN COLLECTION OF TAXES**© 2021 **Kukushkin Dmitry Sergeevich**

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

In the Russian law enforcement practice on tax disputes, there is a strong belief that the tax authorities have too broad powers to use civil law mechanisms to collect tax arrears from taxpayers. However, this state of affairs often undermines the public legal order, since the institutions of private law were created for different purposes and on the basis of principles different from those enshrined in general provisions of tax law. A clear example of such misuse of civil law in public relations is the use of the institution of unjust enrichment for the collection of tax arrears. It is the illegality of using this mechanism that will be discussed in this article in the context of the analysis of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 24, 2017 N 9-P.

Keywords: condictio, claim, tax law, collection of tax payments.

**IMPLEMENTATION OF MEASURES OF TAX INCENTIVES FOR THE ACTIVITIES
OF SMALL BUSINESSES ENGAGED IN AGRICULTURAL ACTIVITIES
IN THE RUSSIAN FEDERATION**© 2021 **Mamedov Nidzhat Dzhamil Ogli**Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Senior Lecturer

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia

E-mail: nijat1984@yandex.ru

The article is devoted to the problem of improving the monitoring of the implementation of tax incentives for business entities. It is noted that a significant factor complicating the monitoring of tax benefits with the subsequent assessment of their effectiveness should be the inability to obtain the necessary information about the volume of tax benefits provided to business entities in terms of both regional and local taxes in relation to specific groups of taxpayers. It is concluded that the law enforcement practice of tax legislation implies the need for a comprehensive system of tax monitoring in terms of the implementation of tax benefits by taxpayers, in the formation and continuous improvement of the methodology for assessing tax benefits, built on the basis of a single system of criteria for their effectiveness.

Keywords: tax, tax system, tax benefits, tax preferences, small business, tax incentives

ECONOMY AND CIVIL LAW: PROBLEMS OF CORRELATION IN THE SERVICE SECTOR

© 2021 **Yalunina Ekaterina Nikolayevna**

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Competition Law and Antitrust Regulation Department
Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

© 2021 **Mansurov Gafur Zakirovich**

Doctor of Economic Sciences, The head of the department of Civil law
Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

The article is devoted to the research as development of real sector of economy is subjected to the influence of the formed practical application of the current legislation. There is no term «real sector of economy» in the legislation. But in some normative legal acts there is a statement of state support measures of market subjects of a number of economy branches, in particular, it concerns agriculture, enterprises of food and processing industry, engineering, transport and service sectors. The state allocates a priority role to the law with the purpose of definition of rules of the game “which undoubtedly influence economic system objects, in particular, final indicators of market subjects such as profitability of production, sales, expenses and population`s solvency level. The research within the declared subject is actual. It is directed on the definition of law influence extent to economy.

Keywords: economy, law, real economy sector, enterprises of food and processing industry, level influence.